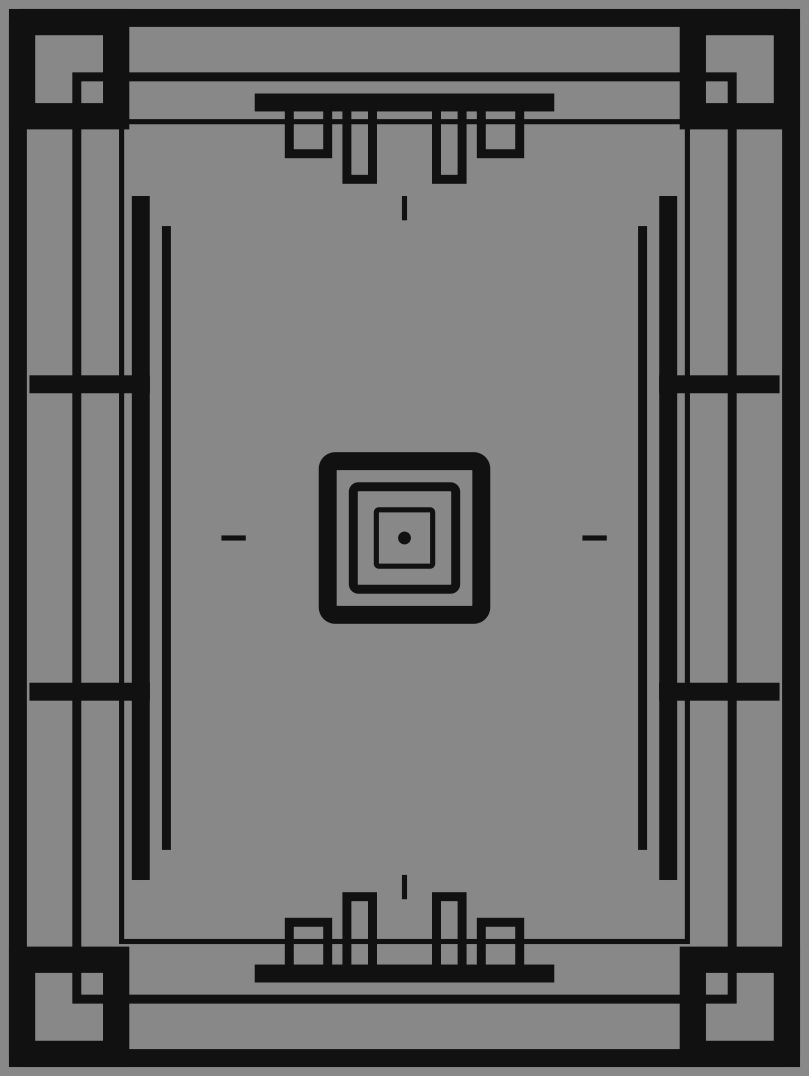

Необычайные приключения Тартарена из Тараскона (пер. Митрофан Ремезов)

Альфонс Доде

Необычайныя приключенія Тартарена изъ Тараскона. Романъ Альфонса Доде
ПЕРВЫЙ ЭПИЗОДЪ. Въ Тарасконѣ
I. Садъ съ гигантскимъ боабабомъ
II. Общій взглядъ на богоспасаемый городъ Тарасконъ. — Охота по-фуражкамъ
III. Nan! Nan! Nan! — продолженіе общаго взгляда на богоспасаемый городъ Тарасконъ
IV. Они!!!
V. По дорогѣ въ клубъ
VI. Два Тартарена. — Достопамятная бесѣда Тартарена-Кихота съ Тартареномъ-Санхо
VII. Европейцы въ Шанхаѣ. — Огромное дѣло. — Татары. — Неужели Тартаренъ изъ Тараскона лгунъ? — Миражъ
VIII. Звѣринецъ Митена. — Африканскій левъ въ Тарасконѣ. — Потрясающій торжественный моментъ
X. Передъ отъѣздомъ
XI. На шпагахъ, господа, на шпагахъ не угодно

ли?... Только не на шпилькахъ!...
XII. Разговоръ въ домикѣ съ боабабомъ
XIII. Отъѣздъ
XIV. Марсель. — Море
ВТОРОЙ ЭПИЗОДЪ. У турки
I. Переѣздъ. — Пять различныхъ положеній фески. — Вечеръ. — Спасите!
II. Бей ихъ! Руби!
III. Обращеніе къ Сервантесу. — Въ Алжирѣ. — Гдѣ турка? — Нѣтъ турки. — Разочарованіе
IV. Первая охота за львами
V. Бацъ! Бацъ!
VI. Самка. — Страшная битва. — Свиданіе кроликовъ
VII. Омнибусъ, мавританка и вѣнокъ жасмина
VIII. Спите спокойно, львы африканскіе!
IX. Князь Григорій Албанскій
IX. Скажи мнѣ имя твоего отца, и я тебѣ скажу названіе этого цвѣтка
XI. Сиди Тартрибенъ-Тартри
XII. Намъ пишутъ изъ Тараскона...
ТРЕТІЙ ЭПИЗОДЪ. Въ странѣ львовъ
I. Дилижансы въ ссылкѣ
II. Встрѣча съ однимъ маленькимъ господиномъ
III. Монастырь львовъ

IV. На походѣ
V. Вечеръ на-сторожѣ
VI. Наконецъ-то!
VII. Катастрофа за катастрофой
VIII. Тарасконъ! Тарасконъ!

Необычайныя приключенія Тартарена изъ Тараскона
Романъ Альфонса Доде

En France, tout le monde est un peu de Tarascon.[1]

[1] Примечания: 1
Всякій французъ немного тарасконецъ.

ПЕРВЫЙ ЭПИЗОДЪ
Въ ТарасконѢ

I
Садъ съ гигантскимъ боабабомъ

Я никогда не забуду моего перваго визита Тартарену изъ Тараскона; съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ двѣнадцать или пятнадцать, а я вспоминаю его такъ живо, будто это вчера было. Неустрашимый Тартаренъ жилъ тогда въ третьемъ домѣ отъ въѣзда въ городъ по Авиньонской дорогѣ. То была хорошенькая тарасконская вилла съ садомъ и палисадникомъ, съ балкономъ, съ чистыми бѣлыми стѣнами и зелеными занавѣсками, а передъ ея дверью вѣчно толклась, кувыркалась и прыгала толпа маленькихъ савойяровъ. Снаружи домъ ничѣмъ особеннымъ не выдавался и никому не могло придти въ голову, что подъ его кровлей за простыми бѣлыми стѣнами живетъ герой. Но стоило только войти, чтобы понять, кого загнала судьба-злодѣйка въ это болѣе чѣмъ скромное жилище. Отъ подвала до чердака — все въ немъ было геройскимъ, даже садъ.

О, въ Европѣ не найти ничего подобнаго саду Тартарена! Нѣтъ въ немъ ни одного туземнаго дерева, ни одного европейскаго цвѣтка, — сплошь

все экзотическія растенія: каучуковое дерево, тыквенное дерево, хлопчатникъ, кокосовая пальма, манговое дерево, бананъ, пальмы, боабабъ, смоковницы, кактусы, музы, — совсѣмъ Африка, настоящая центральная Африка, тысячъ за десять лье отъ Тараскона. Само собою разумѣется, что все это было не въ натуральную величину: такъ, кокосовыя пальмы были не крупнѣе свеклы, а боабабъ, гигантскій боабабъ, росъ въ горшкѣ изъ-подъ резеды; но дѣло тутъ не въ величинѣ. Для Тараскона хорошо было и это, и городскіе обыватели, удостоивавшіеся чести полюбоваться тартареновскимъ боабабомъ въ воскресенье, возвращались по домамъ преисполненными удивленія.

Послѣ этого, конечно, понятно, какое волненіе я долженъ былъ испытывать, проходя черезъ этотъ садъ въ первый разъ. Но это волненіе ничто въ сравненіи съ чувствомъ, охватившимъ меня, когда я вступилъ въ жилище героя. Его кабинетъ, — одна изъ диковинокъ города, — находился въ глубинѣ сада противъ боабаба. Представьте себѣ большую залу, отъ пола до потолка увѣшанную ружьями и саблями; тутъ было оружіе всѣхъ странъ и народовъ: карабины, винтовки, мушеетоны, корсиканскіе ножи,

каталонскіе кинжалы, кинжалы-револьверы, ятаганы, кривые малайскіе ножи, кистени, готтентотскія дубины, мексиканскія лассо, — и чего-чего только не было. Надо всѣмъ этимъ, какъ бы для вящаго устрашенія посѣтителя, зловѣщимъ блескомъ сверкала звѣзда изъ клинковъ сабель, шпагъ, штыковъ и стволовъ... Успокоительное впечатлѣніе производили, однако же, образцовый порядокъ и чистота, царившіе надъ всею этою смертоносною коллекціей. Все было прилажено въ своему мѣсту, вычищено, вытерто, снабжено ярлыкомъ, точно въ аптекѣ; кое-гдѣ виднѣлись добродушныя надписи:

Отравленныя стрѣлы, — не дотрогивайтесь!

Или:

Осторожнѣе, — заряжено!

Не будь этихъ надписей, кажется, ни за что въ мірѣ я не вошелъ бы сюда.

Посреди кабинета стоялъ столъ, а на немъ графинчикъ рома, кисетъ съ турецкимъ табакомъ, Путешествія капитана Кука, романы Купера, Густава Эмара, Охотничьи разсказы, Наставленія

для охоты за медвѣдями, Руководство для охоты съ ястребомъ, для охоты на слоновъ и т. д. И, наконецъ, передъ столомъ сидѣлъ человѣкъ, лѣтъ сорока-сорока пяти, небольшаго роста, толстый, коренастый, въ рубашкѣ и фланелевыхъ кальсонахъ, краснолицый, съ коротко остриженною густою бородой и огненными глазами. Въ одной рукѣ онъ держалъ книгу, другою потрясалъ въ воздухѣ огромною трубкой съ желѣзною крышвой. Онъ читалъ какую-то преужасную повѣсть объ Охотѣ за скальпами и при этомъ оттопыривалъ нижнюю губу, дѣлалъ страшное лицо, сообщавшее мирной фигурѣ благополучнаго тарасконскаго обывателя такой же видъ безобидной свирѣпости, какой имѣла вся обстановка его дома.

Этотъ человѣкъ и былъ самъ Тартаренъ, — Тартаренъ изъ Тараскона, — неустрашимый, великій, ни съ кѣмъ несравнимый Тартаренъ.

II
Общій взглядъ на богоспасаемый городъ Тарасконъ. — Охота по-фураж-камъ

Въ то время, о которомъ я вамъ разсказываю, Тартаренъ еще не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ потомъ, — не былъ великимъ Тартареномъ, популярнымъ на всемъ югѣ Франціи; однако, уже и въ то время онъ былъ первымъ человѣкомъ, королемъ Тараскона. Вотъ какъ достигъ онъ своего значенія. Прежде всего надо сказать, что въ Тарасконѣ всѣ поголовно охотники. Страсть въ охотѣ можно считать врожденною каждому тарасконцу, развивавшеюся съ тѣхъ поръ, какъ миѳологическое чудовище Тараскъ свирѣпствовало въ сосѣднихъ болотахъ и жители ходили на него облавой. Давненько это было. Теперь же по воскресеньямъ все населеніе Тараскона, способное носить оружіе, облекается въ патронташи и ягдташи, забираетъ ружья, собакъ всякаго вида и наименованія и отправляется за городъ при звукахъ охотничьихъ роговъ. Видъ восхитительный. Къ несчастію, дичи нѣтъ, — хоть шаромъ

покати, ни признака дичи. Какъ ни глупа дичь, но, въ концѣ-концовъ, и она сообразила, что тутъ ей не сдобровать. На пять лье кругомъ Тараскона всѣ норы, логовища и гнѣзда давнымъ-давно опустѣли. Нѣтъ, какъ говорится, ни пера, ни шерстинки. А, между тѣмъ, какъ привлекательны для всякой дичи красивые тарасконскіе холмы, благоухающіе миртами, лавандою и розмариномъ, какъ соблазнительны расположенные по берегамъ Роны виноградники съ ярко блестящими мускатными гроздьями! Да, все это чертовски заманчиво, не будь тутъ Тараскона, пользующагося самою дурною славой въ мірѣ пернатыхъ, грызуновъ и хищныхъ. Даже пролетныя птицы отмѣтили Тарасконъ краснымъ крестомъ на своихъ маршрутахъ, и дикія утки, летящія на сѣверъ и обратно, какъ-только завидятъ колокольни города, такъ начинаютъ кричать во все горло: «Вотъ Тарасконъ! Вотъ Тарасконъ!» — и сворачиваютъ въ сторону, предпочитая сдѣлать крюкъ.

Короче сказать, по части дичины во всей округѣ только и есть что одинъ хитрый старый заяцъ, какъ мъ то чудомъ спасшійся отъ поголовнаго избіенія и упорно продолжающій укрываться въ окрестностяхъ города. Обыватели Тараскона хорошо знаютъ этого зайца; его зовутъ Быстрякъ.

Извѣстно, что онъ проживаетъ въ помѣстьи г. Боннара, и, — къ слову сказать, — это удвоило и даже утроило стоимость имѣнія. До сихъ поръ никому не удалось подстрѣлить плутоватаго зайца, такъ что въ настоящее время лишь двое или трое самыхъ отчаянныхъ охотниковъ не прекращаютъ своихъ безплодныхъ покушеній на его жизнь. Остальные съ сердечнымъ сокрушеніемъ махнули на него рукой, и Быстрякъ давно слыветъ чуть ли не оборотнемъ-чертенкомъ, несмотря на то, что тарасконцы далеко не суевѣрны по природѣ и ѣдятъ даже рагу изъ ласточевъ, когда имъ удается заполевать хотя эту безобидную птичку.

Вы въ недоумѣніи и хотите сказать: если въ Тарасконѣ такъ мало дичи, то ради чего же ополчаются тарасконскіе охотники каждое воспресенье? А вотъ ради чего: ополчившись, они уходятъ за два или три лье отъ города, дѣлятся на маленькія группы по пяти-шести человѣкъ, уютно располагаются подъ тѣнью дерева или какой-нибудь стѣны, достаютъ изъ ягдташей жареную говядину, сырой лукъ, колбасу и иногда анчоусы и принимаются за безконечный завтракъ, который запиваютъ хорошенькимъ ронскимъ винцомъ, располагающимъ къ весе-

лью и пѣснѣ. Плотно закусивши и основательно выпивши, охотники зовутъ собакъ, взводятъ у ружей курки и начинаютъ охотиться. Охота же, собственно, состоитъ въ томъ, что каждый снимаетъ съ себя фуражку, изъ всей силы бросаетъ ее вверхъ и стрѣляетъ въ «летъ» дробью № 5, 6 или 8, смотря по уговору. Попавшій большее число разъ въ фуражку провозглашается королемъ охоты и въ вечеру возвращается въ Тарасконъ тріумфаторомъ, съ разстрѣлянною фуражкой на концѣ ружья, при звукахъ охотничьихъ роговъ и при неистовомъ лаѣ собакъ.

Само собою равумѣется, что въ городѣ процвѣтаетъ торговля охотничьими фуражками. Есть даже шапошники, изготовляющіе продырявленныя и рваныя фуражки для плохихъ стрѣлковъ. Но въ покупкѣ ихъ заподозрѣнъ только аптекарь Безюке. Какъ хотите, а это неблаговидно!

Въ охотѣ по фуражкамъ у Тартарена не было соперниковъ. Каждое воскресенье онъ выходилъ изъ города въ новой фуражкѣ и всякій разъ возвращался съ лохмотомъ на концѣ ствола. Чердакъ бѣленькаго домика съ боабабомъ былъ заваленъ такими трофеями. За то Тартаренъ и пользовался особеннымъ уваженіемъ и непререкаемымъ авторитетомъ среди своихъ согражданъ. Къ то-

му же, онъ былъ отличнымъ знатокомъ всѣхъ законовъ и обычаевъ охоты, онъ прочелъ всѣ охотничьи трактаты и руководства по всѣмъ видамъ охоты, начиная съ охоты по фуражкамъ и кончая охотою на бирманскаго тигра, а потому весь городъ признавалъ его безапелляціоннымъ судьей въ дѣлахъ, касающихся охоты, и всѣ обыватели обращались въ нему за разрѣшешемъ охотничьихъ споровъ.

Каждый день отъ трехъ до четырехъ часовъ въ лавкѣ оружейника Костевальда, на зеленомъ кожаномъ креслѣ, съ трубеою въ зубахъ засѣдалъ толстый, важный господинъ, окруженный шумно спорящею толпой охотниковъ по фуражкамъ. То былъ Тартаренъ изъ Тараскона, чинящій судъ и изрекающій приговоры, — Немвродъ съ Соломономъ пополамъ.

III
Nan! Nan! Nan! — продолженіе общаго взгляда на богоспасаемый городъ Тарасконъ

Тарасконцы не только страстные охотники, но и не менѣе страстные любители романсовъ. Все сантиментальное старье, валяющееся въ старомъ хламѣ нотныхъ магазиновъ, живымъ-живехонько въ Тарасконѣ. Тамъ оно собрано все сполна и блещетъ яркимъ разцвѣтомъ молодости. У каждаго семейства есть свой романсъ и въ городѣ это всѣмъ извѣстно. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что аптекарь Безюке поетъ:

Звѣзда, души моей царица…
оружейникъ Костекальдъ:
Въ хижину скромную жду я тебя…
бухгалтеръ казначейства:
Невидимку не видать…

(Комическіе куплеты)

и такъ далѣе. Два или три раза въ недѣлю всѣ сходятся другъ у друга и распѣваютъ другъ другу каждый свое. Всего страннѣе то, конечно, что

поется всегда одно и то же и что благополучные тарасконцы не выказываютъ ни малѣйшаго расположенія къ какимъ-либо новшествамъ или перемѣнамъ. Романсы и пѣсенки такъ и переходятъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, и никто посторонній не дерзаетъ покуситься на «чужой» романсъ. Это просто немыслимо; въ голову даже не можетъ прійдти Костекальду, напримѣръ, запѣть романсъ Безюке или Безюке — спѣть романсъ Костекальда.

По части романсовъ, какъ и въ охотѣ по фуражкамъ, первенство въ городѣ принадлежало Тартарену. Его преимущество передъ согражданами заключалось въ томъ, что у Тартарена не было «своего» романса: онъ пѣлъ ихъ всѣ... Да, всѣ!

Только поди-ка, заставь его пропѣть что-нибудь, — чорта съ два! Ему рано прискучили салонные успѣхи; тарасконскій герой съ большимъ удовольствіемъ погружался въ чтеніе своихъ охотничьихъ книгъ или проводилъ вечеръ въ клубѣ и крайне рѣдко соглашался подойти въ фортепіано. Онъ считалъ музыкальныя забавы несовмѣстными съ своимъ достоинствомъ. Иногда, впрочемъ, когда общество собиралось въ аптекѣ Безюке, онъ заходилъ туда какъ бы

невзначай и, послѣ долгихъ упрашиваній, соглашался пропѣть дуэтъ изъ Роберта Дьявола съ мадамъ Безюке-матерью. Кто не слыхалъ этого пѣнія, тотъ, конечно, ничего подобнаго и представить себѣ не можетъ. Если бы я прожилъ еще сто лѣтъ и вспомнилъ о дуэтѣ въ аптекѣ Безюке, то и тогда, какъ живой, всталъ бы передо мною великій Тартаренъ, — всталъ бы и торжественнымъ шагомъ приблизился бы къ фортепіано, оперся бы сжатымъ кулакомъ на крышку инструмента, усиливаясь придать своему благодушному лицу свирѣпо-сатанинское выраженіе Роберта Дьявола. Онъ подошелъ, сталъ въ позу, и трепетъ пробѣжалъ по залѣ; всѣ чувствовали, что имѣетъ совершиться нѣчто необыкновенное. Мадамъ Безюке заиграла аккомпаниментъ и запѣла:

Robert, toi que j'aime
Et qui reèus ma foi,
Tu vois mon effroi (bis),
Grâce pour toi-même
Et grâce pour moi.

И тутъ же тихо прибавила: «Вамъ, Тартаренъ». Тартаренъ вытягиваетъ руку съ сжатымъ кулакомъ, раздуваетъ ноздри и страшнымъ голосомъ, отдающимся въ фортепіано, произноситъ три

раза: «Non!.. non!... non!...», что, при его чисто-южномъ выговорѣ, выходитъ: «Nan!.. nan!... nan!...» Затѣмъ мадамъ Безюке-мать повторяетъ еще разъ:

Grâce pour toi-même
Et grâce pour moi.

«Nan!.. nan!... nan!...» — реветъ Тартаренъ благимъ матомъ. Этимъ и заканчивался знаменитый дуэтъ. Какъ видите, не особенно длинно, но за то столько выраженія, такая мимика, что дрожью прохватывало все общество, собиравшееся въ аптекѣ, и, по настоятельному требованію слушателей, Тартаренъ четыре-пять разъ кряду повторялъ свое: «Nan!... nan!...», потомъ отиралъ потъ со лба, улыбался дамамъ, значительно взглядывалъ на мужчинъ и, при сознаніи собственнаго торжества, уходилъ въ клубъ, гдѣ съ нѣсколько напускною небрежностью говорилъ: «Я отъ Безюке... Пристали тамъ, — ну, и не могъ отговориться, спѣлъ имъ дуэтъ изъ Роберта Дьявола!» Но всего лучше то, что онъ и самъ этому вѣрилъ.

IV
Они!!!

Благодаря столь разнороднымъ талантамъ, Тартаренъ занималъ выдающееся положеніе въ городѣ. Этотъ необыкновенный человѣкъ умѣлъ привлечь всѣхъ на свою сторону. Армія въ Тарасконѣ была за него. Храбрый капитанъ Бравида, отставной начальникъ гарнизонной швальни, говорилъ про него: «Онъ молодчина!» А ужъ капитану ли не знать въ этомъ толкъ, послѣ того, какъ онъ обшилъ столькихъ молодцовъ!

Магистратура была за Тартарена. Самъ старый предсѣдатель суда раза два или три сказалъ про него: «Это характеръ!»

Наконецъ, и народъ былъ за Тартарена. Его широкія плечи, его походка, голосъ и неустрашимый видъ, его репутація героя, невѣдомо какъ сложившаяся, нѣсколько мѣдяковъ, брошенныхъ имъ маленькимъ савойярамъ, и нѣсколько подзатыльниковъ, данныхъ уличнымъ мальчишкамъ, сдѣлали изъ него мѣстнаго лорда Сеймура, короля тарасконскаго рынка. Нагрузчики барокъ на набережной почтительно кланялись Тартарену,

когда онъ въ воскресенье вечеромъ возвращался съ охоты съ обрывкомъ фуражки на концѣ ствола, подмигивали другъ другу, указывая на его плечи и руки, и обмѣнивались такими замѣчаніями: «Ну, этотъ за себя постоитъ!... Ишь мускулы-то — двойные!»

Двойные мускулы! Кромѣ Тараскона, нигдѣ не услышишь ничего подобнаго!

И при всемъ этомъ, при всѣхъ своихъ многочисленныхъ талантахъ, несмотря на двойные мускулы, на любовь народа и на лестные отзыви храбраго начальника гарнизонной: швальни, Тартаренъ не былъ доволенъ своею судьбой: ему въ тягость была жизнь въ маленькомъ городкѣ; онъ задыхался въ немъ, — великому человѣку было тѣсно въ Тарасконѣ. Да и на самомъ дѣлѣ могъ ли онъ, съ своею героическою натурой, съ душою пламенной и жаждущей сильныхъ ощущеній, — онъ, мечтающій о битвахъ, объ опасныхъ охотахъ, о приключеніяхъ въ пампасахъ Америки или въ пескахъ Африки, объ ураганахъ и тифонахъ, — могъ ли онъ довольствоваться разстрѣливаньемъ фуражекъ по воскресеньямъ и разрѣшеніемъ охотничьихъ споровъ ежедневно у оружейника Костекальда? Вчужѣ жаль бѣднягу великаго человѣка! Въ концѣ-концовъ, тоска

способна была заѣсть его на смерть.

Тщетно искалъ онъ забвенія среди своихъ пальмъ, боабаба и другихъ чудесъ африканской растительности, напрасно обвѣшивалъ стѣны малайскими ножами и томагауками, напрасно зачитывался романтическими книгами, думая, подобно Донъ-Кихоту, силою воображенія отогнать отъ себя безпощадную дѣйствительность. Увы, все, что онъ продѣлывалъ, чтобы утолить жажду приключеній, только еще больше разжигало ее! Видъ окружавшаго его смертоноснаго оружія только дразнилъ его; всѣ эти ятаганы, стрѣлы и лассо взывали къ нему: «На бой, на бой!...» Въ вѣтвяхъ боабаба чудился свистъ вѣтра, зовущій въ далекія страны и не дающій покоя. А тутъ еще Густавъ Эмаръ и Фениморъ Куперъ...

Сколько разъ, въ часы послѣобѣденнаго чтенія, среди воинственныхъ доспѣховъ, Тартаренъ съ дикимъ воплемъ вскакивалъ съ своего кресла, бросалъ книгу и схватывалъ первое попавшееся подъ руку оружіе. Бѣдняга забывалъ, что онъ у себя въ Тарасконѣ, что голова его. обвязана старымъ фуляровымъ платкомъ, и ополчался на воображаемаго врага.

— Пусть-ка они попробуютъ сунуться! — оралъ онъ, потрясая топоромъ или томагаукомъ.

Они?... Кто они?

Тартаренъ самъ не зналъ хорошенько. Они! — это были тѣ, что нападаютъ, тѣ, съ кѣмъ надо биться, — всѣ тѣ и все то, что кусаетъ, что грозитъ когтями или скальпомъ, что реветъ, кричитъ, рычитъ... Они — это индѣецъ Сіу, пляшущій вокругъ привязаннаго къ столбу «бѣлаго»... Это — бурый медвѣдь Скалистыхъ горъ, это — Туарегъ пустыни, пиратъ Малайскихъ острововъ, бандитъ Абруццкихъ ущелій... Словомъ, они — это они!.. а съ ними вмѣстѣ путешествія, воинственные подвиги, страшныя привлюченія, слава.

Но — увы! — тщетно звалъ ихъ неустрашимый Тартаренъ, тщетно вызывалъ ихъ на бой, — они упорно не показывались. Да и за какимъ бы чортомъ понесло ихъ въ Тарасконъ?

А Тартаренъ все ждалъ и ждалъ ихъ, особливо по вечерамъ, направляясь въ клубъ.

V
По дорогѣ въ клубъ

Сборы рыцаря-храмовника на бой съ осаждающими его невѣрными, сборы китайскаго воина «знамени тигра», сборы команша, идущаго на «тропу войны», — все это ничто въ сравненіи съ приготовленіями Тартарена изъ Тараскона, вооружающагося съ головы до ногъ, чтобы идти въ клубъ въ десятомъ часу вечера, черезъ часъ по пробитіи зори у гауптвахты. На лѣвую руку онъ надѣвалъ стальную «перчатку — sortie de bal» съ острыми концами, въ правую бралъ трость со вкладною шпагой, въ лѣвый карманъ запрятывалъ кистень, въ правый — револьверъ; между жилетомъ и фуфайкой засовывалъ малайскій вожъ. Отравленныхъ стрѣлъ Тартаренъ никогда не бралъ съ собою, — скверная это штука, нечестное оружіе!

Вооружившись достодолжнымъ образомъ, онъ съ минуту оставался въ тиши своего кабинета, примѣривался, какъ удобнѣе нанести ударъ, расправлялъ руки, потомъ бралъ отмычку и важно, не спѣша, спокойно проходилъ черезъ садъ. — По

англійски, по англійски! Спокойствіе есть истинное мужество. — Въ концѣ сада онъ отпиралъ тяжелую желѣзную дверь и — разъ! — такъ ее распахивалъ, что она съ глухимъ звономъ ударялась о наружную стѣну. Вздумай они притаиться за этою дверью, тутъ имъ и карачунъ, — остался бы только мѣшокъ съ костями. Къ сожалѣнію, они никогда не прятались за дверью.

Выйдя изъ сада, Тартаренъ быстрымъ, зоркимъ взглядомъ окидывалъ улицу вправо и влѣво, захлопывалъ дверь, запиралъ ее накрѣпко и пускался въ путь. На Авиньонской улицѣ — ни кошки: двери заперты, въ окнахъ темно, на улицѣ тоже; лишь кое-гдѣ чуть мерцаетъ фонарь, силясь проглянуть сквозь прибрежный туманъ Роны. Спокойно-величественъ подвигается Тартаренъ во мракѣ ночи, мѣрно и звонко отбивая шагъ и извлекая искры изъ мостовой желѣзнымъ наконечникомъ палки. Будь то бульваръ, или широкая улица, или переулокъ, онъ шелъ всегда серединою; отличная міра предосторожности, чтобы избѣжать внезапнаго нападенія и въ особенности того, что въ Тарасконѣ выкидывается иногда ночью изъ оконъ. Судя по всему этому, не подумайте, однако, что Тартаренъ трусилъ. Ничуть не бывало; онъ просто былъ остороженъ.

Лучшимъ доказательствомъ его неустрашимости служитъ то обстоятельство, что онъ ходилъ въ клубъ не кратчайшею дорогой, а самою длинной, черезъ весь городъ, по темнымъ и дряннымъ переулкамъ. И все въ надеждѣ, что авось-либо изъ какого нибудь закоулка наскочатъ на него они. Тутъ ужь онъ бы съ ними расправился, смѣю васъ въ томъ завѣрить. Какъ на смѣхъ, ни разу, во всю жизнь ни единаго раза Тартаренъ не встрѣтилъ ни души живой, ни даже собаки, ни пьянаго.

Случались иногда фальшивыя тревоги: вдругъ послышатся шаги, тихій говоръ. Тартаренъ въ ту же минуту насторожится, замретъ на мѣстѣ, затаитъ дыханіе, пригнется и приложитъ ухо къ землѣ,- такъ дѣлаютъ индійцы. Шаги приближаются, голоса становятся слышнѣе. Сомнѣнья быть не можетъ!... Они!... Вотъ сейчасъ покажутся. Тартаренъ изготовился, еще мигъ — и онъ ринется на нихъ съ воинственнымъ крикомъ... и вдругъ раздаются благодушные голоса мирныхъ тарасконцевъ, называющихъ его по имени:

— Ээ!... Тартаренъ... Добрый вечеръ, Тартаренъ!...

— О, чтобъ васъ совсѣмъ!... - Это аптекарь Безюке съ семействомъ возвращается отъ Костекальда. — Добрый вечеръ! Добрый вечеръ! — ворчитъ

Тартаренъ и, сердито вскинувъ палку, устремляется дальше.

У подъѣзда клуба онъ пріостанавливается, еще поджидаетъ, проходитъ разъ-другой мимо двери и, наконецъ, потерявши на этотъ разъ всякую надежду встрѣтить ихъ, бросаетъ вызывающій взоръ въ сумракъ ночи и гнѣвно шепчетъ: «Опять никого!... Опять ихъ нѣтъ!» Затѣмъ доблестный тарасконецъ входитъ въ клубъ и садится за партію безига съ отставнымъ начальникомъ гарнизонной швальни.

VI
Два Тартарена. — Достопамятная бесѣда Тартарена-Кихота съ Тартареномъ-Санхо

Какъ же, однако, могло случиться, что при такой страсти къ приключеніямъ, при жаждѣ сильныхъ ощущеній, при стремленіи путешествовать и совершать всякіе геройскіе подвиги, Тартаренъ никогда не выѣзжалъ изъ Тараскона? Да, вотъ, подите же! Неустрашимый тарасконецъ дожилъ до сорока пяти лѣтъ и ни разу въ жизни не ночевалъ внѣ роднаго города. Онъ не былъ даже въ Марселѣ, что считается какъ бы обязательнымъ для каждаго добраго провансальца при достиженіи совершеннолѣтія. Онъ едва зналъ Бокеръ, хотя нельзя сказать, чтобы особенно далеко было отъ Тараскона до Бокера, — всего мостъ перейти. На бѣду, этотъ проклятый мостъ такъ часто сносило бурей, да и длиненъ онъ чертовски, выстроенъ непрочно, а Рона такъ широка въ этомъ мѣстѣ, что — ну, какъ бы это сказать? — Тартаренъ предпочиталъ прогулки по твердой землѣ.

Надо признаться, наконецъ, что въ нашемъ героѣ было какъ бы два разныхъ человѣка. Читатели уже поняли, конечно, что въ великомъ тарасконцѣ жилъ духъ Донъ-Кихота, съ рыцарскими порывами, съ геройскими идеалами, съ увлеченіемъ всѣмъ романтическимъ и грандіознымъ. Къ несчастію, природа не дала ему тѣла знаменитаго гидальго, — костляваго, сухаго тѣла, мало чувствительнаго въ матеріальнымъ неудобствамъ и лишеніямъ, способнаго проводить двадцать ночей, не снимая рыцарскихъ доспѣховъ, и питаться по нѣскольку дней горстью риса. Напротивъ, тѣло Тартарена было настоящее тѣло благополучнаго обывателя, очень жирное, очень увѣсистое, очень чувственное, изнѣженное тѣло, выхоленное буржуазными вкусами, избалованное домашними удобствами, — пузатенькое тѣло на короткихъ ножкахъ безсмертнаго Санхо-Пансо.

Донъ Кихотъ и Санхо-Пансо въ одномъ человѣкѣ! Можете себѣ представить, какъ плохо они уживались! Какія ссоры, какія междоусобія должны были происходить между ними! Между двумя Тартаренами — Тартареномъ Кихотомъ и Тартареномъ Санхо — порою происходили достопамятныя бесѣды, достойныя пера Лукіана или

Сентъ Эвремона! Тартаренъ Кихотъ, въ неописуемомъ азартѣ отъ чтенія разсказовъ Густава Эмара, кричитъ:

«Ѣду!»

— Шалости! — бурчитъ Тартаренъ Санхо, предвидя возможность простуды.

— Ты покроешь себя славой, Тартаренъ! — восклицаетъ Тартаренъ-Кихотъ.

— Покройся-ка лучше фланелевымъ одѣяломъ, — спокойно совѣтуетъ Тартаренъ-Санхо.

— О, чудныя винтовки! — восторгается Тартаренъ-Кихотъ. — О, кинжалы, лассо, томагауки!...

— Умная это штука вязаные жилеты, — невозмутимо разсуждаетъ Тартаренъ-Санхо. — Хорошая вещь и наколѣнники изъ сосновой шерсти, и шапки съ наушниками!

— Топоръ мнѣ! Тажелый, острый топоръ! — готовъ крикнуть внѣ себя Тартаренъ-Кихотъ.

— Жанетта! Шоколаду! — кричитъ, перебивая его, Тартаренъ-Санхо.

И Жанетта несетъ превосходный, горячій, ароматный шоколадъ съ анисовыми сухариками. Добродушный смѣхъ потрясаетъ лакомое брюшко Тартарена-Санхо и заглушаетъ неистовые вопли Тартарена-Кихота.

Вотъ почему Тартаренъ изъ Тараскона никогда

не выѣзжалъ изъ Тараскона.

VII
Европейцы въ Шанхаѣ. — Огромное дѣло. — Татары. — Неужели Тартаренъ изъ Тараскона лгунъ? — Миражъ

Разъ, впрочемъ, Тартаренъ чуть-чуть не уѣхалъ въ далекое путешествіе. Братья Гарсіо Камюсъ, тарасконскіе уроженцы, живущіе въ Шанхаѣ, предложили ему завѣдываніе одною изъ ихъ тамошнихъ конторъ. Дѣло представлялось какъ разъ по немъ. Обширная торговля, полкъ прикащиковъ подъ командой, сношенія съ Россіей, Персіей, съ Азіатскою Турціей, — словомъ, огромное дѣло.

Въ устахъ Тартарена слова «огромное дѣло» получали значеніе чего-то гигантскаго, необъятнаго. Помимо этого, конторы Гарсіо Камюсъ имѣли еще и то преимущество, что подвергались иногда набѣгамъ татаръ. Въ такихъ случаяхъ живо запирались двери; всѣ прикащики брались за оружіе, поднимался консульскій флагъ и... пифъ пафъ! изъ оконъ въ нападающую татарскую орду.

Нѣтъ надобности говорить, съ какимъ вооду-

шевленіемъ ухватился Тартаренъ-Кихотъ за предложеніе Ѣхать въ Шанхай. Къ несчастію, такое путешествіе было совсѣмъ не по вкусу Тартарену-Санхо; а такъ какъ перевѣсъ былъ всегда на его сторонѣ, то дѣло и не могло состояться. Объ этомъ было много толковъ въ городѣ: поѣдетъ ли? откажется ли? Пари, что поѣдетъ... держу, что нѣтъ. Чуть не междоусобіе... Въ концѣ-концовъ, Тартарень не поѣхалъ; тѣмъ не менѣе, вся эта исторія послужила къ вящей его славѣ. Почти побывать въ Шанхаѣ, или побывать тамъ на самомъ дѣлѣ — это было безразлично для Тартарена. О путешествіи Тартарена было столько говорено и такъ долго говорено, что всѣмъ стало казаться, будто онъ успѣлъ побывать въ Шанхаѣ и вернуться назадъ. По вечерамъ въ клубѣ около Тартарена собиралась толпа знакомыхъ, его разспрашивали про жизнь въ Шанхаѣ, про нравы, климатъ, про опіумъ, про огромное дѣло.

Тартаренъ обо всемъ имѣлъ самыя точныя свѣдѣнія и охотно удовлетворялъ любопытство своихъ слушателей. Мало-по-малу, съ теченіемъ времени, онъ и самъ уже не былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что въ глаза не видалъ никакого Шанхая, и, въ сотый разъ повѣствуя про набѣгъ татаръ, онъ совершенно натурально говорилъ: «Я сей-

часъ же вооружаю прикащиковъ, приказываю поднять консульскій флагъ и... пифъ пафъ! изъ оконъ въ татарскую орду». При этомъ разсказѣ мурашки пробѣгали по спинамъ слушателей.

— Послѣ этого вашъ Тартаренъ просто наглый лгунъ.

— Ничуть не бывало! Тартаренъ совсѣмъ не лгунъ.

— Позвольте, вѣдь, онъ-то самъ зналъ же, что никогда не былъ въ Шанхаѣ?

— Само собою разумѣется, зналъ... Только... Только прошу внимательно выслушать нижеслѣдующее.

Надо разъ навсегда установить правильный взглядъ на то, что жители сѣвера называютъ хвастовствомъ и ложью южанъ. На югѣ нѣтъ лгуновъ, во всякомъ случаѣ тамъ лгуновъ не больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Южанинъ не лжетъ; онъ ошибается. Онъ не всегда говоритъ правду, но самъ онъ думаетъ, что сказанное имъ — правда. Сказанная же имъ неправда не есть, все-таки, ложь, — это своего рода миражъ... Да, миражъ! Чтобы вполнѣ понять меня, поѣзжайте на югъ, и вы своими глазами увидите. Вы увидите удивительный край, гдѣ солнце все переиначиваетъ по-своему, всему придаетъ

неестественно-большіе размѣры. Вы увидите крошечные холмы Прованса, не превышающіе Монмартра, и они вамъ покажутся гигантскими горами; вы посмотрите на Maison Carrée въ Нимѣ, крошечную бездѣлушку, и она вамъ покажется больше собора Notre-Dame. Вы увидите… Да что тамъ толковать! На югѣ всего только и есть одинъ единственный лгунъ, это — южное солнце. На что оно ни кинетъ свой лучъ, оно все преувеличиваетъ!… Что такое была Спарта въ самое славное время своего могущества? Плохое мѣстечко. Что такое были Аѳины? На лучшій конецъ — уѣздный городокъ. И, однако же, въ исторіи они намъ представляются громаднѣйшими городами. А все южное солнце…

Послѣ этого объясненія, надѣюсь, васъ перестанетъ удивлять, что солнце, грѣющее Тарасконъ, съумѣло превратить брюкву въ боабабъ, а человѣка, чуть не уѣхавшаго въ Шанхай, въ человѣка, побывавшаго въ Шанхаѣ.

VIII
Звѣринецъ Митена. — Африканскій левъ въ Тарасконѣ. — Потрясающій торжественный моментъ

До сихъ поръ мы разсказывали читателю о Тартаренѣ въ его скромной долѣ, когда слава еще не отмѣтила его своимъ лобзаніемъ и не обвила его головы неувядаемымъ лавромъ, мы разсказывали о его героическихъ порывахъ, нечтахъ, разочарованіяхъ и надеждахъ, теперь же перейдемъ прямо къ блестящимъ страницамъ его исторіи и въ событіямъ, долженствовавшимъ имѣть рѣшающее значеніе въ необычайной судьбѣ этого человѣка.

Разъ вечеромъ у оружейника Костекальда Тартаренъ объяснялъ нѣсколькимъ любителямъ, какъ обращаться съ только что появившимся въ продажѣ игольчатымъ ружьемъ. Вдругъ отворяется дверь, вбѣгаетъ одинъ изъ охотниковъ по фуражкамъ и, едва переводя духъ, кричитъ: «Левъ!... левъ!...» Всеобщее недоумѣніе, ужасъ, шумъ, толкотня. Тартаренъ насаживаетъ на винтовку штывъ, Костекальдъ кидается запирать

двери. Всѣ окружаютъ охотника, разспрашиваютъ, требуютъ подробностей, торопятъ. Дѣло оказывается вотъ въ чемъ: проѣздомъ съ ярмарки въ городѣ остановился звѣринецъ Митена и расположился въ сараѣ на площади; въ звѣринцѣ есть удавы, тюлени, крокодилы и великолѣпный африканскій левъ.

Африванскій левъ въ Тарасконѣ! Ничего подобнаго не видано, не слыхано съ основанія города. И надо было видѣть, какъ гордо поднимали головы наши охотники по фуражкамъ, какъ сіяли ихъ лица, какъ крѣпко они пожимали другъ другу руки въ лавкѣ оружейника Костекальда. Впечатлѣніе было такъ сильно, такъ неожиданно, что никто не могъ сказать ни слова, — ни даже самъ Тартаренъ. Съ поблѣднѣвшимъ, нервно вздрагивающимъ лицомъ, съ игольчаткою въ рукахъ онъ стоялъ у прилавка, погруженный въ глубокую думу. Африканскій левъ, настоящій левъ тутъ, близко, въ двухъ шагахъ! Левъ… вѣдь, это что же такое? Это сильнѣйшій и страшнѣйшій изъ звѣрей, это царь пустыни, дичь героевъ, о которой едва осмѣливалось мечтать его воображеніе, — это… это, вѣдь, первый, пожалуй, между ними, между тѣми, съ кѣмъ онъ такъ долго, такъ пламенно и такъ тщетно жаждалъ встрѣчи.

Левъ, чортъ возьми, да еще африканскій! У Тартарена захватило дыханіе; горячая волна крови прилила къ лицу, въ глазахъ вспыхнуло пламя. Судорожнымъ движеніемъ онъ вскинулъ ружье на плечо и, обращаясь къ храброму начальнику гарнизонной швальни, проговорилъ громовымъ голосомъ: «Идемъ, капитанъ!»

— Ээ!... Вы... вы ружье-то!... Вы уносите мое игольчатое ружье! — робко заговорилъ было осторожный Костекальдъ.

Но Тартаренъ былъ уже на улицѣ; за нимъ гордою поступью выходила изъ лавки толпа охотниковъ по фуражкамъ.

Когда они пришли въ звѣринецъ, тамъ уже было много публики. Тарасковцы, народъ героическій, но давно лишенный всякихъ зрѣлищъ, такъ и ринулись въ балаганъ. Толстая мадамъ Митенъ была въ полномъ удовольствіи. Въ африканскомъ костюмѣ, съ хлыстомъ въ голыхъ по локоть рукахъ, украшенныхъ желѣзными браслетами, она встрѣчала посѣтителей и своими двойными мускулами производила на тарасконцевъ не меньшее впечатлѣніе, чѣмъ ея пресмыкающіеся и четвероногіе пансіонеры.

Приходъ Тартарена съ ружьемъ на плечѣ сразу охладилъ публику. Благодушные обыватели,

спокойно прогуливавшіеся передъ клѣтками, безъ оружія, безъ малѣйшей тревоги, не предполагая даже возможности какой-либо опасности, поддались весьма естественному чувству страха, когда увидали извѣстнаго своею храбростью Тартарена съ смертоноснымъ оружіемъ въ рукахъ. Должно быть, дѣло не ладно, если уже онъ, этотъ герой... Въ одно мгновеніе вся толпа отхлынула отъ клѣтокъ. Дѣти завопили со страха, дамы бросились къ дверямъ. Аптекарь Безюке совсѣмъ ушелъ, сказавши, что добѣжитъ лишь до дому захватить ружье.

Мало-по-малу, однако, видъ Тартарена ободрилъ пугливыхъ. Спокойно, съ гордо поднятою головой, неустрашимый Тартаренъ обошелъ весь балаганъ, не посмотрѣвши даже на чанъ, въ которомъ полоскался тюлень, бросивъ лишь презрительный взглядъ на длинный ящикъ съ дремлющимъ удавомъ, и остановился передъ клѣткою льва.

Потрясающій, торжественный моментъ! Сошлись лицомъ въ лицу левъ тарасконскій съ африканскимъ львомъ. Съ одной стороны, не знающій страха Тартаренъ, готовый къ нападенію и отпору съ игольчатою винтовкой въ рукахъ, съ другой — левъ, сынъ африканскихъ

пустынь, лѣниво растянулся на соломѣ, положивши громадную косматую голову на переднія лапы. Оба спокойны и какъ бы вымѣриваютъ другъ друга взглядомъ. И странная вещь: видъ ли оружія обезпокоилъ льва, или онъ зачуялъ въ новомъ посѣтителѣ страшнаго врага, звѣрь, до сихъ поръ смотрѣвшій на тарасконцевъ съ величайшимъ презрѣніемъ, началъ выказывать явные признаки тревоги и гнѣва. Онъ началъ съ того, что фыркнулъ раза два, потомъ глухо зарычалъ, выпустилъ когти, расправилъ лапы, наконецъ, всталъ, поднялъ голову, встряхнулъ желтою гривой, раскрылъ свою громадную пасть и грозно заревѣлъ на Тартарена.

Крикъ ужаса былъ ему отвѣтомъ. Обезумѣвшіе отъ страха тарасконцы кинулись къ дверямъ, — женщины, дѣти, охотники по фуражкамъ, самъ Бравида, храбрый начальникъ швальни, — всѣ безъ исключенія. Только одинъ, одинъ Тартаренъ изъ Тараскона не двинулся съ мѣста. Онъ по-прежнему стоялъ передъ клѣткой, спокойный, готовый къ нападенію и отпору, гордо и презрительно оттопыривши нижнюю губу. Черезъ минуту, когда охотники по фуражкамъ, нѣсколько ободренные его непоколебимостью и крѣпостью желѣзной рѣшетки, приблизились къ

своему вождю, они разслышали его слова:

— Да… это охота!

Въ этотъ день Тартаренъ не сказалъ больше ни слова.

Странное дѣйствіе миража.

Въ этотъ день Тартаренъ не сказалъ больше ни слова; только на грѣхъ-то онъ уже сказалъ слишкомъ много. На слѣдующій день весь городъ только и говорилъ о скоромъ отъѣздѣ Тартарера въ Алжиръ на охоту за львами. Вы сами, дорогой читатель, можете по совѣсти засвидѣтельствовать, что онъ и не думалъ говорить ничего подобнаго; но, знаете, дѣйствіе миража…

Словомъ, весь Тарасконъ толковалъ объ отъѣздѣ Тартарена, какъ о дѣлѣ рѣшеномъ. Знакомые, встрѣчаясь въ клубѣ, очень серьезно и съ озабоченнымъ видомъ спрашивали другъ друга:

— Слышали новость?

— Что такое? Отъѣздъ Тартарена въ Африку? Знаю, давно знаю!

Всѣхъ болѣе въ городѣ былъ удивленъ этимъ неожиданнымъ отъѣздомъ самъ Тартаренъ. И, — о, человѣческое тщеславіе! — вмѣсто того, чтобы просто-напросто отвѣтить, что онъ никуда не собирается ѣхать и никогда не думалъ отправляться въ Африку, бѣдняга Тартаренъ на предложенный

ему въ первый разъ вопросъ о его путешествіи отвѣтилъ уклончивыми недомолвками:

— Ну... то-есть... можетъ быть... оно, конечно...

На слѣдующій разъ, нѣсколько освоившись съ этою мыслью, онъ сказалъ:

— Весьма возможно... и даже вѣроятно...

Въ третій не выдержалъ и отвѣтилъ:

— Да, это рѣшеное дѣло!

Наконецъ, какъ то вечеромъ въ клубѣ и потомъ у Костекальда, подогрѣтый гоголь-моголемъ, увлеченный выраженіями удивленія и восторга, опьяненный тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производило на всѣхъ извѣстіе объ его поѣздкѣ, несчастный положительно заявилъ, что ему прискучила охота по фуражкамъ и что онъ въ самомъ непродолжительномъ времени отправляется стрѣлять громадныхъ африканскихъ львовъ.

Это заявленіе было встрѣчено оглушительными криками «ура!» Затѣмъ былъ опять поданъ гоголь-моголь, послѣдовали крѣпкія рукопожатія, поцѣлуи, процессія съ факелами, серенада передъ маленькимъ домикомъ съ боабабомъ.

Вся эта исторія глубоко возмущала Тартарена-Санхо. Мысль о путешествіи въ Африку и объ охотѣ за львами холодомъ и дрожью прохватывала его покоелюбивое тѣло и, по возвращеніи

домой, подъ звуки серенады, раздававшейся подъ ихъ окнами, онъ сдѣлалъ страшную сцену Тартарену-Кихоту, обзывалъ его полуумнымъ, сумасброднымъ фантазеромъ, неосторожнымъ и трижды безсмысленнымъ человѣкомъ, до мельчайшихъ подробностей высчитывалъ всѣ возможныя и невозможныя бѣды, ожидающія ихъ въ этой поѣздкѣ: кораблекрушенія, ревматизмы, горячки. дизентеріи, чума, элефантіазисъ и все прочее.

Напрасно клялся Тартаренъ-Кихотъ, обѣщаясь быть осторожнымъ, тепло одѣваться, запастись въ дорогу всѣмъ необходимымъ, — Тартаренъ-Санхо и слушать ничего не хотѣлъ. Бѣдняку уже представлялся его собственный трупъ разорваннымъ въ клочья львами, поглощеннымъ песками пустыни, подобно блаженной памяти Камбизу; Тартарену-Кихоту удалось его немного успокоить лишь тѣмъ соображеніемъ, что ѣхать, все-таки, предстоитъ не сейчасъ, дѣло не къ спѣху, и что, во всякомъ случаѣ, они еще пока дома.

Да и на самомъ дѣлѣ нельзя же такъ вдругъ, безъ приготовленій, подняться и пуститься въ такую далекую экспедицію. Надо предварительно ознакомиться какъ слѣдуетъ съ краемъ, куда ѣдешь, — человѣкъ, вѣдь, не птица какая-нибудь

перелетная.

Тартаренъ началъ съ того, что принялся за чтеніе разсказовъ знаменитыхъ путешественниковъ по Африкѣ: Монго-Парка, де-Калье, доктора Ливингстона, Ганри Дюверье. Тутъ нашъ герой узналъ, что смѣлые путешественники, прежде чѣмъ взять въ руки страннической посохъ и пуститься въ далекія страны, долго подговлялись переносить всякія лишенія: голодъ, холодъ, жажду, усиленные переходы. Тартаренъ рѣшился послѣдовать ихъ примѣру и съ того же дня сталъ питаться только вареною водой. Вареною водой называютъ въ Тарасконѣ хлѣбную тюрю на водѣ, вскипяченную съ зубкомъ чеснока, съ небольшимъ количествомъ тиміяна и лавровымъ листкомъ. Діэта, какъ видите, была довольно серьезная, и бѣдняга Санхо порядочно-таки морщился.

Тартаренъ не ограничился одною діэтой и къ ней присоединилъ предписываемыя благоразуміемъ упражненія. Такъ, чтобы привыкнуть къ большимъ переходамъ, онъ принялъ за правило ежедневно утромъ обходить весь городъ разъ семь или восемь, то скорымъ шагомъ, то бѣглымъ, прижавши локти къ тѣлу и держа во рту два бѣлыхъ камушка, какъ дѣлали древніе.

Потомъ, чтобы освоиться съ ночнымъ холодомъ, туманами, росой, онъ каждый вечеръ выходилъ въ садъ и пребывалъ тамъ до десяти-одиннадцати часовъ, съ ружьемъ въ рукахъ, притаившись за боабабомъ, какъ бы поджидая звѣря.

Наконецъ, во все время, пока звѣринецъ Митена пробылъ въ Тарасконѣ, охотники по фуражкамъ, засидѣвшіеся у Костекальда, проходя черезъ площадь, видали въ сумракѣ ночи, какъ какой-то таинственный человѣкъ прохаживался взадъ и впередъ позади балагана. То былъ Тартаренъ: онъ пріучался безтрепетно слышать рычаніе и ревъ льва въ ночной темнотѣ.

X
Передъ отъѣздомъ

Пока Тартаренъ такимъ образомъ подготовлялся въ опасной экспедиціи, вниманіе Тараскона было сосредоточено на немъ. Всѣ другіе интересы отошли на задній планъ. Охота по фуражкамъ кое-какъ влачила жалкое существованіе; романсы были почти забыты. Въ аптевѣ Безюке давно уже не открывалось фортепіано; на немъ, поднявши кверху ножки, сохли шпанскія мухи. Все какъ бы замерло въ ожиданіи отъѣзда Тартарена. За то надо было видѣть его успѣхи въ гостиныхъ. Его всюду приглашали наперерывъ, его заманивали, отбивали другъ у друга, похищали, перехватывали на дорогѣ. Дамы только о томъ и мечтали, какъ бы добиться чести пройтись подъ руку съ Тартареномъ по звѣринцу и тамъ, передъ клѣткою льва, разспросить его объ охотѣ за этими страшными звѣрями, узнать отъ него самого, куда надо цѣлить, во сколькихъ шагахъ стрѣлять, часто ли бываютъ несчастные случаи и т. под.

Тартаренъ разсказывалъ и объяснялъ все, что угодно. Онъ прочелъ Жюля Жерара и такъ превос-

ходно зналъ всѣ подробности охоты за львами, какъ будто самъ бывалъ на ней несчетное число разъ. Его разсказы отличались необыкновенною увлекательностью. Въ особенности же любепытно было его послушать послѣ обѣда у предсѣдателя суда Ладвеза или у храбраго капитана Бравиды, отставнаго начальника гарнизонной швальни, когда подавался кофе. Стулья тѣснились въ одному концу стола и Тартаренъ принимался повѣствовать о своихъ будущихъ охотахъ.

Опершись на столъ и склонившись головою къ чашкѣ душистаго мокко, нашъ герой взволнованнымъ голосомъ разсказывалъ обо всѣхъ опасностяхъ, ожидающихъ его среди африканскихъ пустынь. Онъ говорилъ о томъ, какъ въ темную, безлунную ночь приходится сторожить звѣря; онъ живо описывалъ страшныя болота, убивающія своими міазмами, рѣки, отравленныя падающими въ нихъ листьями олеандровъ, горные снѣга и зной тропическаго солнца, массы скорпіоновъ и тучи саранчи; онъ знакомилъ слушателей съ образомъ жизни и повадками громадныхъ африканскихъ львовъ, давалъ ясное понятіе о ихъ необычайной силѣ и кровожадности. Увлеченный собственнымъ

повѣствованіемъ, онъ вскакивалъ изъ-за стола, дѣлалъ прыжокъ на середину залы, изображая въ лицахъ льва и подражая его страшному голосу... вдругъ выстрѣлъ нарѣзнаго карабина: пафъ! пафъ!... свистъ разрывной пули — фшшь!... Тартаренъ жестикулируетъ, рычитъ, реветъ, опрокидываетъ стулья...

Лица слушателей блѣдны. Мужчины переглядываются, значительно покачивая головами; дамы закрываютъ глаза и слегка вскрикиваютъ; старики воинственно потрясаютъ своими палками. Изъ сосѣдней комнаты несутся вопли рано заснувшихъ дѣтей, въ ужасѣ вскакивающихъ съ постелей отъ львинаго рыканія и выстрѣловъ смѣлаго охотника.

Тартаренъ необыкновенно живо разсказывалъ, а уѣзжать... пока лишь только собирался.

XI
На шпагахъ, господа, на шпагахъ не угодно ли?... Только не на шпилькахъ!...

Думалъ ли онъ, на самомъ дѣлѣ ѣхать? Вотъ вопросъ, на который біографъ Тартарена не въ состояніи отвѣтить съ полною достовѣрностью. Несомнѣнно одно, что звѣринецъ Митена уѣхалъ изъ Тараскона; съ тѣхъ поръ црошло три мѣсяца, а охотникъ за львами не трогался съ мѣста. Весьма возможно, впрочемъ, что наивный герой, подъ вліяніемъ миража, совершенно искренно воображалъ, будто побывалъ уже въ Африкѣ. Быть-можетъ, отъ постояннаго повторенія разсказовъ о будущихъ охотахъ ему самому эти охоты представлялись уже чѣмъ то пережитымъ въ дѣйствительности, подобно тому, какъ онъ воображалъ, что приказывалъ поднять консульскій флагъ въ Шанхаѣ и отражалъ набѣги татаръ.

На бѣду, тарасконцы не поддались наэтотъ разъдѣйствію миража. Когда, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, въ городѣ замѣтили, что сборы въ путь нисколько не подвигаются впередъ, меж-

ду обывателями начался ропотъ.

— Повтореніе исторіи съ поѣздкою въ Шанхай! — сказалъ, улыбаясь, Костекальдъ.

Въ городѣ подхватили слова оружейника; вѣра въ Тартарена была подорвана. Всѣхъ безпощаднѣе оказались наиболѣе довѣрчивые и трусливые, — люди, подобные Безюке, котораго крупная блоха способна была обратить въ бѣгство. Въ клубѣ, на гуляньѣ, въ обществѣ эти господа подходили къ Тартарену и съ ехидною улыбкой спрашивали:

— Такъ какъ же, когда выѣзжаете?

Въ лавкѣ Костекальда Тартаренъ утратилъ всякій авторитетъ; охотники по фуражкамъ перестали признавать его главенство. Дѣло дошло и до эпиграммъ. Предсѣдатель суда Ладвезъ, пописывавшій иногда стишки въ минуты досуга, сочинилъ на мѣстномъ провансальскомъ нарѣчіи шутливую пѣсенку, имѣвшую большой успѣхъ. Въ ней говорилось о нѣкоемъ великомъ охотникѣ, по фамиліи Жерве, страшное ружье котораго должно было истребить всѣхъ до единаго львовъ въ Африкѣ. Съ сожалѣнію, это проклятое ружье имѣло очень скверную особенность: его постоянно заряжали, а оно никогда не стрѣляло, — on le chargeait toujours, il ne partait jamais:

«Il ne partait jamais», — понимаете ехидный намекъ?...

Lou fûsioù de mestre Gervaï
Toujou lou cargon, toujou lou cargon.
Lou fûsioù de mestre Gervaï
Toujou lou cargon, part jamaï.

Пѣлось это, конечно, издали, такъ какъ у Тартарена были «двойные мускулы», но, все-таки, пѣлось... а давно ли, кажется... О, непостоянство тарасконскихъ обывателей!

Великій мужъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, ничего не слышитъ и не понимаетъ. На самомъ же дѣлѣ эта ядовитая шутка огорчала его до глубины души; онъ сознавалъ, что Тарасконъ ускользаетъ изъ его рукъ, и это причиняло ему тяжелыя страданія. Несмотря на страданія и огорченія, Тартаренъ по-прежнему улыбался и продолжалъ вести свою мирную жизнь, какъ ни въ чемъ не бывало. Только изрѣдка онъ не выдерживалъ роли; маска беззаботнаго добродушія спадала съ его лица и, вмѣсто смѣха, на немъ явно видны были негодованіе и печаль.

Такъ, разъ маленькіе савойяры пѣли подъ его окномъ: Lou fûsioù de mestre Gervaï; голоса негодныхъ ребятишекъ достигли до ушей бѣднаго

великаго человѣка, подбривавшаго въ то время бороду. Тартаренъ носилъ бороду, но когда она уже слишкомъ разросталась, онъ подстригалъ ее и подбривалъ на щекахъ.

Вотъ тутъ-то окно распахнулось, въ немъ появился Тартаренъ въ одной сорочкѣ, съ головой, повязанной платкомъ, съ намыленною бородой, и, потрясая бритвой, крикнулъ громовымъ голосомъ:

— На шпагахъ, господа, на шпагахъ не угодно ли?... Только не на шпилькахъ!...

Прекрасныя слова, достойныя быть занесенными на страницы исторіи; одно лишь жаль, что они были обращены къ маленькимъ карапузикамъ, кое-какъ чистившимъ сапоги прохожимъ и рѣшительно неспособнымъ еще держать въ рукахъ шпаги.

XII
Разговоръ въ домикѣ съ боабабомъ

.

Среди всеобщей измѣны одно только военное сословіе осталось вѣрнымъ Тартарену. Храбрый капитанъ Бравида, отставной начальникъ гарнизонной швальни, продолжалъ относиться въ нему съ прежнимъ уваженіемъ: «Онъ молодчина!» — упорно, несмотря ни на что, повторялъ доблестный воинъ, и уже, конечно, его мнѣніе имѣло неизмѣримо болѣе вѣса, чѣмъ слова какого нибудь аптекаря Безюке. Во все время капитанъ ни разу не намекнулъ на поѣздку въ Африку; но когда говоръ объ этомъ принялъ крайне непріятное направленіе, онъ рѣшился заговорить.

Несчастный Тартаревъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ одинъ, погруженный въ невеселыя думы. Огворилась дверь и вошелъ капитанъ, — важенъ, торжественен, застегнутъ по уши, въ черныхъ перчатвахъ.

— Тартаренъ, — проговорилъ онъ тономъ, не допускавшимъ возраженія, — Тартаренъ, надо ѣхать!

Онъ стоялъ въ темномъ четыреугольникѣ двери, строгій и непреклонный, какъ долгъ. Капитанъ сказалъ только три слова: «Тартаренъ, надо ѣхать!» — и Тартаренъ понялъ. Онъ поднялся съ кресла, блѣдный, какъ полотно; грустнымъ, нѣжнымъ взоромъ обвелъ свой хорошенькій кабинетъ, уютный, теплый, свѣтлый, свое покойное кресло, полки съ книгами, бѣлыя занавѣски на окнахъ, за которыми такъ привѣтливо шепталась листва его садика, потомъ подошелъ въ капитану, крѣпко пожалъ ему руку и со слезами въ голосѣ, хотя и не безъ стоической твердости, проговорилъ:

— Я поѣду, Бравида!

И онъ сдержалъ слово, только... не тотчасъ же. Надо же было приготовить все необходимое для дальняго путешествія и для опасной охоты.

Цервымъ дѣломъ онъ заказалъ два чемодана изъ толстой кожи съ мѣдными дощечуами на крышкахъ, на которыхъ была вырѣзана надпись:

Тартаренъ изъ Тараскона.
Оружіе.

Исполненіе заказа заняло немало времени. Таставену онъ заказалъ великолѣпный альбомъ

для записыванія путевыхъ впечатлѣній; охота — охотой, но, вѣдь, нельзя же путешествовать и уже ни о чемъ не думать, кромѣ охоты. Затѣмъ онъ выписалъ изъ Марсели приличный запасъ питательныхъ консервовъ, пемиканъ въ плиткахъ для бульона, палатку — tente-abri, новой конструкціи, раскладывающуюся и складывающуюся въ одну минуту, охотничьи сапоги, два зонтика, ватеръ-пруфъ, синія очки съ боковыми сѣтками. Кромѣ того, аптекарь Безюке составилъ для него походную аптечку.

Бѣдный, бѣдный Тартаренъ! Все это онъ дѣлалъ и припасалъ не для себя, а единственно ради того, чтобы всякими предосторожностями и самимъ заботливымъ вниманіемъ успокоить Тартарена-Санхо, ни на минуту не переставшаго злобствовать и бушевать съ тѣхъ поръ, какъ отъѣздъ былъ окончательно рѣшенъ.

XIII
Отъѣздъ

Наконецъ, насталъ торжественный, приснопамятный день. Съ разсвѣта весь Тарасконъ былъ на ногахъ. Авиньонская улица и охрестности домика съ боабабомъ были заиружены народомъ. Любопытные тѣснились у оконъ, на крышахъ домовъ, влѣзали на деревья. Тутъ были лодочники съ Рони, носильщики, мальчишки, торговцы и рабочіе, дамы мѣстнаго общества, швеи, ткачихи тафты, члены клуба, — словомъ, весь городъ. Да не одинъ только городъ: съ той стороны рѣки пришли жители Бокера, собрались изъ округи огородники, пріѣхали винодѣлы на своихъ сытыхъ мулахъ, разукрашенныхъ лентами; толпы пѣшаго и коннаго народа, шумъ, говоръ, звонъ бубенцовъ, яркіе наряды. Всѣ спѣшили, толкались, тѣснились передъ домомъ Тартарена посмотрѣть, какъ милѣйшій г. Тартаренъ поѣдетъ убивать львовъ въ Туречину къ туркѣ.

Алжиръ, Африка, Грецiя, Персія, Турція, — все это представляется тарасконцамъ какою-то невѣдомою, баснословною страной и носитъ одно

названіе Туречины, гдѣ живетъ турка (Teurs).

Въ толпѣ съ озабоченнымъ видомъ и гордою осанкой сновали взадъ и впередъ охотники по фуражкамъ, сознававшіе, что и на нихъ отражается нѣкоторый лучъ славы, готовый обвить своимъ ореоломъ голову ихъ предводителя.

Передъ домомъ стояли двѣ большія телѣги. Въ отворявшуюся отъ времени до времени калитку можно было видѣть нѣсколькихъ человѣкъ, важно прохаживавшихся по саду. Носильщики вытаскивали изъ дома чемоданы, ящики, мѣшки и укладывали ихъ на подводы. При появленіи каждаго тюка въ толпѣ пробѣгалъ трепетъ, слышались названія выносимыхъ предметовъ: «Это походная палатка... А вотъ консервы... аптека... ящикъ съ оружіемъ... другой...» Охотники по фуражкамъ давали нужныя разъясненія.

Вдругъ около десяти часовъ толпа усиленно заволновалась. Калитка растворилась настежь.

— Самъ, самъ идетъ! — послышались возгласы.

Да, это былъ онъ самъ.

Когда онъ показался на порогѣ, двойной крикъ недоумѣнія огласилъ улицу.

— Турка!

— Въ очкахъ!

Отправляясь въ Алжиръ, Тартаренъ счелъ дѣйствительно нужнымъ облечься въ алжирскій костюмъ. Бѣлыя, широкія панталоны пузырями, куртка съ металлическими пуговицами въ обтяжку, необычайной ширины красный поясъ, открытая шея, бритая голова, а на головѣ громадная красная феска съ длиннѣйшею синею кистью. При этомъ по тяжелому штуцеру на каждомъ плечѣ, огромный охотничій ножъ за поясемъ, патронташъ на животѣ поверхъ пояса, сбоку револьверъ въ кожаномъ чехлѣ. Въ такомъ убранствѣ предсталъ онъ передъ изумленною толпой... Виноватъ, я забылъ очки: невиданной величины синія очки до нѣкоторой степени смягчали черезъ-чуръ свирѣпый видъ нашего героя.

— Да здравствуетъ Тартаренъ!... Vive Tartarin! — вопилъ народъ.

Знаменитый мужъ улыбнулся; раскланяться онъ не могъ, — ружья мѣшали. Къ тому же, онъ зналъ теперь цѣну популярности; быть можетъ, въ глубинѣ души онъ проклиналъ своихъ безжалостныхъ соотечественниковъ, вынуждавшихъ его ѣхать, чортъ знаетъ куда и чортъ знаетъ зачѣмъ, покинуть свой уютный уголъ, бѣленькій домикъ, любимый садикъ. Только онъ никому и виду не показалъ.

Спокойный и гордый, хотя и блѣдный немного, онъ вышелъ на улицу, осмотрѣлъ подводы, все ли хорошо уложено, и твердымъ шагомъ пошелъ къ желѣзнодорожной станціи, даже не оглянувшись на домикъ съ боабабомъ. За нимъ шелъ храбрый капитанъ гарнизонной швальни, предсѣдатель суда Ладвезъ, оружейникъ Костекальдъ и всѣ охотники по фуражкамъ; потомъ ѣхали подводы, за ними народъ.

У вокзала его встрѣтилъ начальникъ станціи, старый алжирецъ тридцатаго года, и крѣпко, горячо пожалъ ему руку. Курьерскій поѣздъ изъ Парижа въ Марсель еще не приходилъ. Тартаренъ съ ближайшими спутниками вошелъ въ вокзалъ. Начальникъ станціи приказалъ запереть двери во избѣжаніе давки на платформѣ.

Минутъ пятнадцать Тартаренъ прохаживался по залѣ, окруженный охотниками по фуражкамъ. Онъ говорилъ о своемъ путешествіи, о предстоящей охотѣ, обѣщалъ присылать львиныя шкуры. На нихъ записывались, какъ на кадриль царицы бала.

Благодушно спокойный, подобно Сократу въ роковую минуту послѣдняго прощанья съ учениками, смѣлый путешественникъ каждому умѣлъ сказать доброе слово; онъ бесѣдовалъ просто,

задушевно, какъ бы желая оставить за собою впечатлѣніе тихой грусти и сожалѣній. У охотниковъ по фуражкамъ выступали слезы на глазахъ; въ душѣ иныхъ, Ладвеза, напримѣръ, и аитекаря Безюке, шевельнулось чувство раскаянія. Кое-кто плакалъ, отвернувшись въ уголъ; а съ улицы неслись клики народа:

— Да здравствуетъ Тартаренъ!

Но вотъ прозвонилъ колокольчикъ, глухо прогремѣлъ поѣздъ, раздался свистъ локомотива.

— Кому въ Марсель, пожалуйте въ вагоны!

— Прощай, Тартаренъ!... Прощайте! Adieu, Tartarin!...

— Прощайте... всѣ прощайте! — проговорилъ великій человѣкъ, въ лицѣ храбраго капитана Бравиды послѣднимъ лобзаніемъ простился съ милымъ его сердцу Тараскономъ и быстро направился въ вагону, биткомъ набитому парижанами, которые чуть не померли со страху при видѣ этого необыкновеннатъ человѣка, съ голови до ногъ вооруженнаго штуцерами, револьверами и ножами.

XIV
Марсель. — Море

1 декабря 186* года, въ полдень, при яркомъ, веселомъ свѣтѣ зимняго провансальскаго солнца, изумленвне марсельцы увидали выходящаго изъ дебаркадера желѣзной дороги турку, да такого турку, какого никто еще не видывалъ; а ужь ихъ ли мало бываетъ въ Марсели! Нужно ли говорить, что пріѣзжій турка былъ никто иной, какъ Тартаренъ, знаменитый Тартаренъ изъ Тараскона! Сопровождаемый своими чемоданами, ящиками съ оружіемъ, аптекой, консервами, онъ направился въ гавани на пристань пароходной компаніи Туашъ, откуда пакетботъ Зуавъ долженъ былъ отвезти его за море.

Еще не опомнившійся отъ восторженныхъ проводовъ тарасконцевь, опьяненный блескомъ неба и морскимъ воздухомъ, Тартаренъ, весь сіяющій, прохаживался съ ружьями на плечахъ и не могъ глазъ оторвать отъ чудной гавани Марсели, которую онъ видѣлъ въ первый разъ въ жизни. Все окружающее казалось ему волшебнымъ сномъ, да и самъ онъ себѣ представлялся

морякомъ Синбадомъ, зашедшимъ въ одинъ изъ сказочныхъ городовъ Тысячи одной ночи. Передъ нимъ тѣснился цѣлый лѣсъ мачтъ и рей, развѣвались флаги всѣхъ націй; суда всѣхъ воэможныхъ величинъ и формъ толпились у набережныхъ, едва оставляя кое-гдѣ клочокъ блестящей воды. Кругомъ крики и говоръ на всѣхъ языкахъ міра. Суета, непонятная брань, смѣхъ, цѣлый полкъ таможенныхъ, тысячи носильщиковъ, подводъ и лошадей. А тамъ, дальше, магазины, лавки, прокопченные бараки, въ которыхъ матросы варили свой обѣдъ, продавцы трубокъ, обезьянъ и попугаевъ, торговцы канатами, паруснымъ полотномъ, всякимъ старьемъ, начиная съ мѣдныхъ пушекъ и огромнихъ золоченыхъ фонарей и кончая ржавыми блоками, ломаными якорями и подзорными трубами временъ Жана Барта и Дюгей-Труэна. Груды всевозможныхъ товаровъ: шелкъ и каменный уголь, яруса бревенъ и свинца въ чушкахъ, шерсть, хлопокъ, сахаръ, сукно, бочки спирта, сахарный тростникъ. На хлѣбной пристани разгружаются, сортируются и развозятся милліоны пудовъ золотистаго зерна. А еще дальше доки съ поваленными на бокъ огромными кораблями, съ которыхъ соскабливаютъ приставшіе къ нимъ водоросли, оглушительный

стукъ топоровъ и молотовъ, запахъ кипящей смолы... Иногда между мачтами выдавалась прогалина и глазамъ Тартарена представлялся входъ въ гавань. Онъ видѣлъ, какъ приходили и отходили суда: щеголеватый англійскій фрегатъ направляется въ Мальту подъ командой чопорныхъ офицеровъ въ желтыхъ перчаткахъ; большой марсельскій бригъ тяжело отваливаетъ среди невообразимаго крика и ругательствъ; на его рубкѣ толстый капитанъ въ сюртукѣ и шелковой шляпѣ отдаетъ команду по-провансальски. Одни корабли быстро на всѣхъ парусахъ убѣгали въ синюю даль моря, другіе тихо и осторожно подходили къ порту, словно вынырнувши изъ этой невѣдомой дали, залитой лучами солнца. И надъ всѣмъ этимъ нескончаемый шумъ и гамъ, грохоть колесъ, крики матросовъ, пѣсни, свистки пароходовъ, бой барабановъ и звуки трубъ, несущіеся съ форта St.-Jean, звонъ на церковныхъ колокольняхъ. Дыханье морскаго вѣтра подхватываетъ всѣ эти звуки, весь шумъ людской суеты, подхватываетъ ихъ, уродуетъ во что-то невообразимое, смѣшиваетъ съ своимъ собственнымъ голосомъ и превращаетъ въ какую-то дикую, грандіозную мелодію, зовущую, манящую въ безпредѣльную даль, — туда, куда она сама

несется, въ просторъ широкаго моря, къ чужимъ берегамъ.

Подъ звуки этой дивной мелодіи неустрашимый Тартаренъ изъ Тараскона вступилъ на кораблъ и отплылъ въ страну львовъ.

ВТОРОЙ ЭПИЗОДЪ
У турки

I
Переѣздъ. — Пять различныхъ положеній фески. — Вечеръ. — Спасите!

Я бы желалъ быть живописцемъ, любезный читатель, — желалъ бы быть великимъ живописцемъ, — чтобъ изобразить на картинѣ различныя положенія, которыя принимала красная феска Тартарена въ теченіе трехъ дней его переѣзда изъ Франціи въ Алжиръ. Я показалъ бы вамъ ее, при отходѣ пакетбота Зуавъ, на палубѣ, во всемъ ея величіи, осѣняющею геройскую голову тарасконца. Потомъ изобразилъ бы ее при выходѣ въ море, когда начало «покачивать», — я показалъ бы ее трепещущею, изумленною и какъ бы уже предчувствующею нѣчто недоброе. Затѣмъ, по мѣрѣ удаленія отъ берега, я передалъ бы вамъ, какъ, въ попыткахъ противустоять разыгравшимся волнамъ, красная феска тревожно топырилась на головѣ смѣлаго путника, какъ ея синяя кисть отчаянно билась подъ напоромъ крѣпчавшаго вѣтра. Положеніе четвертое: шесть часовъ вечера, въ виду Корсиканскаго берега, несчастная феска склоняется надъ сѣткой у борта и безпомощно за-

глядываетъ въ пучины морскія. Наконецъ, пятое и послѣднее положеніе: нѣчто измятое, безформенное и жалкое лежитъ комомъ въ маленькой каютѣ, похожей на ящикъ коммода, — все та же гордая красная феска, но уже надвинутая на уши и ничѣмъ не отличающаяся отъ самаго обыкновеннаго ночнаго колпака, прикрывающаго блѣдное лицо, искаженное страданіями.

Ахъ, если бы тарасконцы могли видѣть, въ какомъ несчастномъ положеніи лежалъ ихъ герой въ этомъ комнодномъ ящикѣ, если бы они слышали его жалобные, прерывающіеся стоны, — какъ бы раскаялись они въ томъ, что заставили храбраго Тартарена Ѣхать за море. Правдивость историка вынуждаетъ меня сказать, что бѣдный турка былъ необыкновенно жалокъ. Застигнутый врасплохъ злодѣйкою морскою болѣзнью, несчастный не догадался даже снять свой алжирскій поясъ и освободиться отъ своего арсенала. Огромная рукоятка охотничьяго ножа немилосердно давила ему грудь, револьверъ увѣчилъ бокъ; а тутъ еще, какъ бы совсѣмъ уже доконать его, не перестаетъ бушевать и ругаться Тартаренъ-Санхо.

— По дѣломъ тебѣ, сумасшедшій!... Говорилъ я тебѣ, предупреждалъ, — такъ нѣтъ, хочу, ишь,

видѣть Африку!.. Вотъ тебѣ Африка!... Что, хороша твоя Африка?

Къ довершенію всѣхъ непріятностей, изъ общей каюты доносились до несчастнаго веселые голоса другихъ пассажировъ, ихъ смѣхъ, пѣніе, звонъ посуды. На Зуавѣ собралось, точно на зло, многочисленное и очень веселое общество; тутъ былд офицеры алжирскихъ полковъ, дамы марсельскаго Аль-касара, пѣвицы и актеры, богатый мусульманинъ, возвращающійся изъ Мекки, какой-то албанскій князь, не перестававшій кутить и играть въ карты. Никто изъ нихъ не страдалъ морскою болѣзнью; всѣ только и знали, что попивали шампанское съ тодстымъ весельчакомъ капитаномъ, у котораго одна жена была въ Марсели, а другая въ Алжирѣ. Тартаренъ посылалъ ихъ во всѣмъ чертямъ. Ихъ беззаботная веселость усугубляла его страданія.

Наконецъ, послѣ полудня третьяго дня на палубѣ послышалось необыкновенное движеніе, которое вывело нашего героя изъ его полузабытья. Прозвонилъ колоколъ, забѣгали матросы.

— Машина, отдай!... Машина, задній ходъ!... Машина, впередъ! — кричалъ хриплый голосъ капитана.

— Машина, стопъ! — Сильный толчокъ, и все

смолкло. Пакетботъ тихо и мѣрно покачивался изъ стороны въ сторону. Эта странная тишина привела въ ужасъ Тартарена.

— Спасите!... Тонемъ!...- завопилъ онъ не своимъ голосомъ, — откуда вдругъ и силы взялись, — вскочилъ съ койки и бросился на палубу во всемъ своемъ вооруженіи.

II
Бей ихъ! Руби!

Тонуть никто не думалъ. Пакетботъ остановился, потоку что вошелъ въ гавань, въ прекрасный, глубоководный, но почти совершенно пустынный портъ. Маленькіе бѣлые домики бѣлаго Алжира, тѣснясь другъ къ другу, сбѣгаютъ съ холма къ морю подъ ярко-синимъ небомъ. Тартаренъ ненного оправился отъ своего страха, залюбовался на пейзажъ и заслушался албанскаго князя, стоявшаго рядомъ съ никъ и называвшаго разные кварталы города: Касбахъ, верхній городъ, улицу Бабъ-Ацуна. Очень милый человѣкъ этотъ албанскій князь, очень благовоспитанный, отлично знакомый съ Алжиромъ и, къ тому же, бойко говоритъ по-арабски. Тартаренъ порѣшилъ сойтись съ нимъ поближе. Вдругъ за сѣтку вдоль борта хватаются снаружи нѣсколько десятковъ черныхъ рукъ. Почти тотчасъ же высовывается шаршавая черная рожа, за ней другая, третья, и не успѣлъ Тартаренъ рта открыть, какъ палуба была захвачена сотней пиратовъ, черныхъ, желтыхъ, оливковыхъ… всѣхъ цвѣтовъ… почти голыхъ,

губастыхъ, отвратительныхъ, ужасныхъ.

Тартаренъ зналъ ихъ, этихъ пиратовъ. Это они, то-есть тѣ самые они, которыхъ онъ такъ долго и такъ напрасно поджидалъ по ночамъ въ Тарасконѣ. Наконецъ-то они явились воочію. Въ первое мгновеніе онъ не могъ пошевелиться отъ изумленія. Но когда пираты бросились на багажъ, сорвали прикрывавшій его брезентъ и принялись за разграбленіе корабля, тогда герой воспрянулъ, выхватилъ свой охотничій ножъ и кинулся на разбойниковъ съ крикомъ: «Бей ихъ! Руби!»

— Ques aco? Что тутъ такое? Что съ вами? — спрашивалъ капитанъ Барбасу, выходя на палабу.

— А, капитанъ!... Скорѣй, вооружите вашихъ матросовъ...

— Это для чего же, позвольте увнать?

— Да развѣ же вы не видите?

— Ничего я не вижу...

— Какъ?... А пираты... разбойники...

Капитанъ Барбасу такъ и обалдѣлъ. Въ эту минуту здоровенный негръ бѣжалъ мимо, унося походную аптеку нашего героя.

— Стой, злодѣй!... Вотъ я тебя... — заревѣлъ Тартаренъ и бросился за нимъ съ ножомъ въ рукѣ.

Барбасу словилъ его, такъ сказать, на лету и схватилъ за поясъ.

— Да перестаньте вы, чортова кукла!... Это не разбойники... Пиратовъ даннымъ-давно нѣтъ. Это носильщики.

— Носильщики!...

— Конечно, носильщики, — багажъ вотъ на берегъ доставляютъ. Вложите вашъ тесакъ въ ножны, дайте сюда вашъ билетъ и идите за этимъ негромъ. Онъ честный малый, доставитъ васъ на берегъ и проводить въ гостиницу, если хотите.

Нѣсколько сконфуженный, Тартаренъ отдалъ билетъ и, слѣдомъ за негромъ, спустился въ лодку, подпрыгивавшую у трапа. Въ ней уже были сложены всѣ его пожитки: чемоданы, ящики съ оружіемъ, съ консервами, аптека и прочее; а такъ какъ ими была занята вся лодка, то а не приходилось ожидать другихъ пассажировъ. Негръ забрался на ящиви и усѣлся, какъ обезьяна, охвативши руками колѣна; другой негръ взялся за весла. Оба смотрѣли на Тартарена и смѣялись, скаля блестящіе зубы.

Знаменитый тарасконецъ стоялъ на кормѣ, не спуская грознаго взгляда съ негровъ и крѣпко сжимая рукоятку своего охотничьяго ножа. Несмотря на увѣренія Барбасу, онъ далеко не

былъ убѣжденъ въ безобидности этихъ черныхъ, какъ голенище, носильщиковъ, нисколько не похожихъ на добродушныхъ тарасконскихъ носильщиковъ. Черезъ пять минутъ лодка пристала къ набережной, Тартаренъ вышелъ на ту самую варварійскую землю, гдѣ триста лѣтъ тому назадъ галерный каторжникъ, Михаилъ Сервантесъ, подъ ударами алжирскихъ бичей обдумывалъ свой чудный романъ, прославившій на весь міръ имя Донъ-Кихота и обезсмертившій автора.

III
Обращеніе къ Сервантесу. — Въ Алжирѣ. — Гдѣ турка? — Нѣтъ турки. — Разочарованіе

О, Сервантесъ Сааверда! Если справедливо вѣрованіе, будто души великихъ людей охотно посѣщаютъ тѣ мѣста, гдѣ онѣ провели часть своей земной жизни, какъ долженъ былъ возликовать твой духъ, когда вступилъ на африканскій берегъ Тартаренъ изъ Тараскона, этотъ удивительный типъ француза-южанина, воплотившій въ себѣ обоихъ героевъ твоей чудной книги, Донъ-Кихота и Санхо-Пансо.

День былъ жаркій. На залитой солнцемъ набережной прохаживалось пять или шесть таможенныхъ, нѣсколько алжирцевъ поджидали новостей изъ Франціи, небольшая кучка арабовъ сидѣла, поджавши ноги и покуривая длинныя трубки, мальтійскіе матросы вытаскивали сѣти, въ которыхъ прыгали и сверкали серебристою чешуей тысячи сардинокъ. Но едва успѣлъ Тартаренъ ступить на землю, какъ видъ набережной моментально измѣнился. Точно изъ земли по-

выскакали толпы какихъ-то дикихъ народовъ и бросились на пріѣзжаго. Огромные, голые арабы, едва прикрытые шерстяными одѣялами, мавританскіе ребятишки въ лохмотьяхъ, негры, тунисцы, магонцы, мзабиты, трактирные гарсоны въ бѣлыхъ фартукахъ, — всѣ съ крикомъ и воплями хватали его за рукава и панталоны, вырывали другъ у друга его багажъ, одинъ тащилъ консервы, другой аптеку... Въ невообразимой сутолокѣ каждый выкрикивалъ названіе отеля, одно невѣроятнѣе другаго.

Оглушенный этимъ гамомъ, несчастный Тартаренъ совсѣмъ растерялся, бѣгалъ, кричалъ, ругался, отмахивался руками, бросался въ догонку за своими пожитками, не зналъ что дѣлать и на какомъ языкѣ говорить съ этими варварами, — и по-французски пробовалъ, и по-провансальски, и, наконецъ, по-латыни, какъ умѣлъ, разумѣется, — все напрасно; никто его не слушалъ. Къ счастью, какой-то человѣкъ, одѣтый въ мундиръ съ желтымъ воротникомъ, вмѣшался въ эту свалку и большою палкой разогналъ оборванцевъ. Это былъ мѣстный полицейскій. Онъ очень вѣжливо предложилъ Тартарену остановиться въ «Европейской гостиницѣ» и передалъ его со всѣмъ багажомъ тамошнимъ посыльнымъ.

Съ первыхъ шаговъ въ Алжирѣ Тартаренъ только глазами хлопалъ отъ удивленія. Онъ воображалъ увидать восточный городъ. волшебный, сказочный, нѣчто среднее между Константинополемъ и Занзибаромъ, и очутился въ настоящемъ Тарасконѣ. Кофейныя, рестораны, широкія улицы, четырехъ-этажные дома, маленькая площадь, на которой полковые музыканты разыгрываютъ оффенбаховскія польки, мужчины сидятъ за столиками, пьютъ пиво и закусываютъ пирожнымъ, дамы въ европейскихъ костюмахъ, нѣсколько кокотокъ и офицеровъ, безчисленное множество офицеровъ. Турки — ни одного, ни одного, кромѣ самого Тартарена. Ему даже стало какъ будто не по себѣ, когда пришлось переходить площадь. Всѣ смотрятъ на него, даже музыканты перестали играть, и оффенбаховская полька оборвалась на какомъ-то ноющемъ бемолѣ.

Съ ружьями на плечахъ, съ револьверомъ на боку, грозный и величественный, какъ Робинзонъ Крузое Тартаренъ важно прошелъ сквозь толпу любопытныхъ; но силы его оставили, какъ только онъ вошелъ въ гостиницу. Отъѣздъ изъ Тараскона, Марсельскій портъ, мучительный переѣздъ, албанскій князь, пираты, — все спуталось и смѣшалось въ его утомленной головѣ.

Пришлось его внести въ номеръ, снять съ него оружіе, раздѣть и уложить въ постель. Кто-то совѣтовалъ даже послать за докторомъ. Но герой нашъ, едва добрался до подушки, захрапѣлъ такъ громко и раскатисто, что хозяинъ гостиницы счелъ врачебную помощь излишнею, и всѣ тихо удалились изъ комнаты.

IV
Первая охота за львами

Три часа пробило на городскихъ часахъ, когда Тартаренъ проснулся. Онъ проспалъ весь вечеръ, всю ночь и даже добрую половину слѣдующаго дня; надо и то сказать, что ему-таки изрядно досталось въ предшествовавшіе трое сутокъ. Первое, что пришло въ голову героя, какъ онъ только открылъ глаза, было: «вотъ я и въ странѣ львовъ!» И что же? Не солгу передъ читателемъ, при мысли о львахъ, о томъ, что львы тутъ, близехонько, въ двухъ шагахъ, такъ сказать, подъ бокомъ, и что какъ-никакъ, а придется съ ними лицомъ къ лицу перевѣдаться, бррръ!... морозъ такъ и пробѣжалъ по тѣлу, и Тартаренъ съ головой закутался въ одѣяло. Однако, веселый блескъ дня, яркіе потоки солнечныхъ лучей, заливавшихъ комнату, живительный морской вѣтерокъ, врывавшійся въ открытое окно, вкусный завтракъ и бутылка добраго вина быстро вернули ему прежнее геройство.

— За львами! За львами! — крикнулъ онъ, бодро вскакивая съ постели.

Онъ составилъ уже такой планъ дѣйствія: выйти изъ города, не говоря никому ни слова, углубиться въ пустыню, дождаться ночи, засѣсть въ подходящемъ мѣстѣ и въ перваго проходящаго льва — бацъ-бацъ! — поутру вернуться въ гостиницу, принять восторженныя поздравленія алжирцевъ и послать телѣжку за убитымъ звѣремъ. Тартаренъ наскоро одѣлся, вооружился всѣми охотничьими доспѣхами, навьючилъ на спину палатку-зонтикъ и вышелъ на улицу. Тамъ, чтобы не возбудить ни въ комъ подозрѣнія относительно своихъ намѣреній, онъ никого не сталъ спрашивать про дорогу, а повернулъ направо, прошелъ до конца аркадъ Бабъ-Ацуна, изъ-подъ которыхъ, точно пауки изъ темныхъ угловъ, выглядывали изъ своихъ лавокъ алжирскіе жиды, прошелъ мимо театра, миновалъ предмѣстье и зашагалъ по пыльной дорогѣ, ведущей на Мустафу.

Дорога была сплошь запружена оинибусами, фіакрами, шарабанами, войсковыми фургонами, возами сѣна, отрядами африканскихъ стрѣлковъ, вереницами крошечныхъ осликовъ, негритянками, продающими лепешки, обозами эльзасскихъ переселенцевъ, солдатами въ красныхъ плащахъ. Все это двигалось, пестрѣло, шумѣло,

пѣло, въ трубы трубило подъ непроглядными облаками пыли, между двумя рядами дрянныхъ бараковъ, грязныхъ кабаковъ, биткомъ набитыхъ солдатами, вонючихъ лавчонокъ мясниковъ и живодеровъ.

«Вотъ такъ Востокъ!... Нечего сказать, хорошъ Востокъ! Эка врутъ-то про него!» — раздумывалъ Тартаренъ. Правда, тутъ уже попадался кое-гдѣ турка, только и турки было безъ сравненія меньше, чѣмъ въ Марсели.

И вдругъ верблюдъ... настоящій, великолѣпный верблюдъ выступаетъ съ важно вытянутою шеей, точно индѣйскій пѣтухъ. У нашего героя даже сердце замерло: если уже стали встрѣчаться верблюды, — стало быть, недалеко и львы. И на самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ показалась цѣлая компанія охотниковъ за львами.

— Ахъ, канальи! — ворчалъ герой Тараскона, пропуская ихъ мимо себя. — Вотъ канальи-то! Ходить на льва толпой, да еще съ собаками!

Тартаренъ никакъ не могъ себѣ представить, что въ Алжирѣ можно за чѣмъ-нибудь охотиться, помимо львовъ. А, между тѣмъ, встрѣтившіеся ему охотники выглядѣли добродушнѣйшими купцами, покончившими свои торговыя дѣла; да и самый способъ охоты за львами съ собаками и

съ ягдташами черезъ плечо показался настолько страннымъ тарасконцу, что онъ рѣшился заговорить съ однимъ изъ этихъ господъ.

— Можно поздравить, охота была удачна?

— Такъ себѣ, недурна, — отвѣтилъ охотникъ, съ недоумѣніемъ оглядывая солидное вооруженіе тарасконскаго воина.

— Убили?

— Конечно... и порядочно-таки... вотъ посмотрите, — и алжирскій охотникъ указалъ на ягдташъ, набитый кроликами и бекасами.

— Какъ? Вы ихъ въ ягдташъ?

— А то куда же?

— Такъ, стало быть... совсѣмъ маленькіе...

— Да всякіе, и маленькіе, и большіе...

И охотникъ быстро зашагалъ догонять товарищей. Тартаренъ такъ и остался въ недоумѣніи. Но послѣ минутнаго раздумья онъ порѣшилъ:

— Э, просто шутникъ какой-то... ничего они ровно не убили, — и пошелъ своею дорогой.

Строенія стали рѣдѣть, рѣже встрѣчались и прохожіе. Наступали сумерки. Тартаренъ шелъ еще съ полчаса и, наконецъ, остановился. Была уже ночь, темная, безлунная ночь подъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами. На дорогѣ ни души. Несмотря на это, нашъ герой разсудилъ, что львы,

все-таки, не дилижансы и по большимъ дорогамъ не ходятъ. Онъ пустился въ сторону полемъ. На каждомъ шагу канавы, терновникъ, какіе-то кусты. Онъ все шелъ впередъ, потомъ вдругъ остановился.

— А, тутъ львомъ пахнетъ, — проговорилъ онъ, обнюхнвая воздухъ.

V
Бацъ! Бацъ!

Кругомъ была дикая пустыня, заросшая странными растеніями Востока, похожими на злыхъ, ощетинившихся звѣрей. При неясномъ блескѣ звѣздъ отъ нихъ ложились во всѣ стороны какія-то фантастическія тѣни. Справа виднѣлась сумрачная масса горы, — Атласа, быть можетъ! Слѣва доносился шумъ невидимаго моря. Настоящая пустыня, истинное раздолье для хищныхъ звѣрей.

Тартаренъ положилъ одно ружье передъ собою, другое взялъ въ обѣ руки, сталъ на одно колѣно и началъ ждать. Прождалъ часъ, прождалъ два... ничего! Тогда онъ припомнилъ изъ прочитанныхъ имъ разсказовъ знаменитыхъ истребителей львовъ, что они всегда брали съ собой на охоту маленькаго козленка, привязывали его въ нѣсколькихъ шагахъ и дергали веревочкой за ногу, чтобы заставить кричать. За неимѣніемъ козленка, нашъ тарасконецъ попробовалъ самъ поблеять по козлиному: мя-а-а!... мя-а-а!...- сперва потихоньку; въ глубинѣ души онъ, все-таки, поба-

ивался, какъ бы левъ и вправду не услыхалъ его. Потомъ, видя, что на его голосъ никто не идетъ, онъ заблеялъ погромче: ме-е-е!... ме-е-е!...- не дѣйствуетъ. Тогда, выведенный изъ терпѣнія, онъ заревѣлъ уже во весь голосъ: мя!... мя!... мя!...- да такъ громко, что ему могъ бы позавидовать и быкъ средней величины.

Вдругъ передъ нимъ точно изъ земли выросло что-то такое черное, огромное. Онъ замолкъ. А то огромное нагибалось, нюхало землю, подпрыгивало, быстро исчезало въ темнотѣ и опять появлялось. Не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что это левъ. Можно было ясно различить его четыре лапы, почти всю фигуру и большіе, блестящіе въ темнотѣ глаза. Тартаренъ приложился, спустилъ курокъ, другой... Бацъ!... бацъ!... Готово. Прыжокъ назадъ — и охотникъ замеръ на мѣстѣ съ обнаженнымъ охотничьимъ ножомъ въ рукѣ. Страшный вой раздался въ отвѣтъ на выстрѣлы Тартарена.

— Ловко угодилъ! — крикнулъ храбрый тарасконецъ, готовый встрѣтить звѣря ударомъ ножа.

Выстрѣлъ дѣйствительно угодилъ ловко, и звѣрь скрылся, продолжая выть. Но охотникъ не тронулся съ мѣста; онъ ждалъ самку... какъ описано въ книгахъ. Къ сожалѣнію, самка не

пришла. Прождавши еще часа два, Тартаренъ почувствовалъ порядочную усталость. Земля была сыра, ночная свѣжесть и морской вѣтерокъ давали себя чувствовать.

— Теперь можно и соснуть до утра, — разсудилъ охотникъ и, во избѣжаніе ревматизма, принялся за раскладываніе своей ручной палатки.

Только тутъ вышелъ неожиданный казусъ: палатка оказалась такъ хитро устроенной, такъ хитро, что разложить ее не было никакой возможности. Какъ онъ не бился, какъ ни кряхтѣлъ, ничего не выходило и палатка не раскрывалась. Такіе зонты иногда попадаются, что, какъ на смѣхъ, въ сильный дождь-то ни за что ихъ и не раскроешь. Измученный Тартаренъ бросилъ палатку на землю и улегся на нее, ругаясь самою отборною провансальскою бранью.

Тра-ля-ля… Тра-ля-ля-ля!…

— Quès aco? Что такое? — проговорилъ Тартаренъ съпросонья.

Въ казармѣ Мустафы трубили зорю. Охотникъ за львами протиралъ глаза въ крайнемъ недоумѣніи. Гдѣ онъ? Гдѣ вчерашняя дикая пустыня? Знаете ли, читатель, гдѣ онъ былъ? На грядахъ артишокъ, между грядами цвѣтной капусты съ одной стороны и свеклы — съ другой. Его пустыня

была засажена овощами. А тутъ же близехонько, на зеленыхъ холмахъ верхней Мустафы, бѣлѣли хорошенькія алжирскія виллы, облитыя розовымъ свѣтомъ наступающаго утра, — ни дать, ни взять окрестности Марсели съ ихъ хорошенькими дачками. Мирный и со всѣмъ буржуазный видъ огородовъ до крайности удивилъ и разсердилъ нашего бѣднаго героя.

— Съ ума, должно быть, сошли эти люди, — разсуждалъ онъ самъ съ собою, — нашли гдѣ сажать артишоки, когда тутъ львы бродятъ! Вѣдь, не во снѣ же мнѣ все приснилось... Левъ былъ здѣсь... вотъ и явное доказательство.

Явнымъ доказательствомъ служили кровавые слѣды убѣжавшаго звѣря. Съ благоразумною осторожностью, держа наготовѣ револьверъ, неустрашимый Тартаренъ направился по слѣдамъ и вышелъ на небольшой участокъ земли, засѣянный овсомъ. Овесъ помятъ, лужа крови, а въ лужѣ крови съ широкою раной въ головѣ лежитъ растянувшись... Угадайте, кто лежитъ?

— Левъ, разумѣется!

Нѣтъ, не левъ, — оселъ, одинъ изъ тѣхъ маленькихъ осликовъ, что въ Алжирѣ зовутъ буррико (а у насъ, въ Россіи, зовутъ ишаками).

VI
Самка. — Страшная битва. — Свиданіе кроликовъ

Въ первую минуту, при видѣ своей несчастной жертвы, Тартаренъ страшно разозлился. Да и было съ чего: стрѣлялъ льва — убилъ ишака! Но жалость быстро смѣнила собою чувство досады. Бѣдный ишачекъ былъ такой хорошенькій, такая у него добродушная мордочка. Кожа была еще теплая, бока судорожно вздрагивали отъ прерывающагося дыханія. Тартаренъ опустился на колѣна и попробовалъ остановить кровь своимъ алжирскимъ поясомъ. Великій человѣкъ ухаживаетъ за маленькимъ осликомъ. Можетъ ли быть что-нибудь трогательнѣе такой картины? И осликъ, въ которомъ чуть теплилась послѣдняя искра жизни, открылъ на мгновенье глаза и раза два или три пошевелилъ своими длинными ушами, точно хотѣлъ сказать: «Благодарю!... Благодарю!...» Послѣдняя судорога пробѣжала отъ головы до хвоста и ишачка не стало.

— Чернышъ! Чернышъ! — послышался голосъ, полный тревоги.

Зашуршали и раздвинулись вѣтки сосѣднихъ кустовъ. Тартаренъ вскочилъ на ноги и принялъ оборонительное положеніе. То пришла самка.

Пришла она, разъяренная и страшная, въ образѣ старой эльзаски, вооруженной краснымъ дождевымъ зонтомъ и вопящей на всю округу о пропавшемъ осликѣ. Лучше бы было Тартарену встрѣтиться съ настоящею львицей, чѣмъ съ этою сердитою старухой. Напрасно пытался бѣдняга объяснить ей, какъ все произошло по недоразумѣнію, какъ онъ принялъ Черныша за лъва африканской пустыни. Старуха приняла это за насмѣшку и съ крикомъ «tarteifle!» [2] начала бить Тартарена зонтомъ. Нашъ растерявшійся герой защищался, какъ могъ, отражалъ удары своимъ штуцеромъ, увертывался, отскакивалъ, кричалъ: «Позвольте, сударыня... позвольте...»

Она посылала его ко всѣмъ чертямъ, ничего не хотѣла слушать и продолжала наносить удары. Къ счастію, третъе лицо появилось на полѣ битвы. На крики прибѣжалъ мужъ эльзаски, тоже эльзасецъ, содержатель кабачка, человѣкъ очень сильный въ ариѳметикѣ. Какъ только онъ увидалъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и что убійца охотно

---

[2] Примечания: 2
Исковерканное мѣстнымъ говоромъ нѣмецкое: Der Teufel — чортъ.

готовъ заплатить за свое злодѣяніе, эльзасецъ обезоружилъ супругу и вступилъ въ мирные переговоры. Тартаренъ заплатилъ двѣсти франковъ; оселъ стоитъ десять, — такова обыкновенная цѣна ишаковъ на арабскихъ рынкахъ. Потомъ общими силами зарыли Черныша, и эльзасецъ, приведенный въ благодушное настроеніе видомъ тарасконскихъ золотыхъ, пригласилъ героя зайти закусить въ его кабачкѣ, находившемся въ нѣсколькихъ шагахъ на большой дорогѣ. Алжирскіе охотники каждое воскресенье заходили въ него на перепутьи; здѣсь лучшія въ округѣ мѣста для охоты, въ особенности же много кроликовъ.

— А львовъ? — спросилъ Тартаренъ. Эльзасецъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Какихъ львовъ?

— Да, львовъ... видаете вы иногда? — продолжалъ, уже немного запинаясь, неустрашимый охотникъ.

Кабатчикъ расхохотался.

— Вотъ такъ исторія!... А зачѣмъ бы это они сюда пришли?

— Стало быть, ихъ совсѣмъ нѣтъ въ Алжирѣ?

— По правдѣ сказать, я никогда не видывалъ, хотя живу здѣсь лѣтъ двадцать. Точно, разсказывали что-то такое... Кажется, въ газетахъ даже

было. Только это тамъ, много дальше, на югѣ.

Они подошли въ кабачку. Кабакъ какъ кабакъ, точь-въ-точь такіе же можно встрѣтить на любой проѣзжей дорогѣ во Франціи; надъ дверью торчитъ засыхающая вѣтка зелени, на стѣнѣ нарисованы билліардные кіи, а надъ всѣмъ этимъ безобидная вывѣска:

Свиданіе кроликовъ.

Какъ вамъ это нравится? Свиданіе кроликовъ!.. О, Бравида! Что бы ты сказалъ?

VII
Омнибусъ, мавританка и вѣнокъ жасмина

Такое начало способно отбить охоту стрѣлять львовъ у очень многихъ людей, но Тартарена не такъ-то легко было обезкуражить.

«Львы тамъ, дальше, на югѣ,- разсуждалъ онъ самъ съ собою, — и прекрасно: я поѣду дальше, на югъ!»

Онъ позавтракалъ, поблагодарилъ хозяевъ, не помня зла, поцѣловался со старухой, пролилъ послѣднюю слезу о несчастномъ Чернышѣ и поспѣшилъ въ Алжиръ, съ твердымъ намѣреніемъ въ тотъ же день забрать свои пожитки и уѣхать на югъ. На грѣхъ, дорога отъ Мустафы показалась ему на этотъ разъ много длиннѣе, чѣмъ наканунѣ. Солнце пекло безъ милосердія; не продохнуть отъ пыли. А тутъ еще эта складная палатка тяжела чертовсви! Тартаренъ чувствовалъ, что не дойдетъ пѣшкомъ до города. Онъ остановилъ первый омнибусъ и сѣлъ въ него.

Бѣдный, бѣдный Тартаренъ! Ради громкаго имени и славы, лучше было бы ему не садиться

въ этотъ злополучный рыдванъ и продолжать путь по образу пѣшаго хожденія, лучше было бы пасть мертвымъ на пыльной дорогѣ подъ тяжестью тропической атмосферы, складной палатки и двухстволъныхъ штуцеровъ.

Тартаренъ занялъ въ омнибусѣ послѣднее свободное мѣсто. Въ глубинѣ кареты сидѣлъ, уткнувши носъ въ молитвенникъ, какой-то священникъ съ большою черною бородой; противъ него молодой арабъ купецъ; потомъ мальтійскій матросъ и четыре или пять мавританокъ; изъза бѣлыхъ покрывалъ видны были только ихъ черные глаза. Онѣ возвращались съ богомолья на могилѣ Абдель-Кадера; но незамѣтно было, чтобы посѣщеніе могилы знаменитаго шейха ихъ сильно опечалило. Онѣ болтали между собою, весело смѣялись и грызли конфекты, кутаясь въ свои покрывала. Тартарену показалось, что онѣ часто поглядываютъ на него, въ особенности одна, сидѣвшая какъ разъ противъ него. Она глазъ съ него не сводила во всю дорогу. Хотя лицо этой женщины было плотно закрыто, но по блеску темныхъ глазъ, по нѣжной ручкѣ съ золотыми браслетами, высовывавшейся отъ времени до времени изъ-подъ покрывала, по звуку голоса, по граціи движеній, — словомъ, по всѣмъ при-

знавамъ можно било безошибочно сказать, что за безобразнымъ бѣлымъ платкомъ скрывается нѣчто молодое, красивое, восхитительное. Несчастный Тартаренъ не зналъ куда дѣваться. Притягательная сила чудныхъ восточныхъ глазъ приводила его въ сильное смущеніе, манила и дразнила, бросала его то въ жаръ, то въ холодъ.

А тутъ еще, — какъ бы съ тѣмъ, чтобы совсѣмъ доканать его, — вмѣшалась въ дѣло туфелька обворожительной незнакомки; точно шаловливая мышка, эта крошечная туфелька заигрывала съ толстыми охотничьми сапогами. Что дѣлать? Какъ быть? Отвѣтить на эти взгляды, отвѣтить пожатіемъ плутовкѣ-туфелькѣ? Да, ну, а послѣдствія?... Любовная интрижка на Востовѣ можетъ легко окончиться страшною катастрофой! И пылкое, романтически настроенное воображеніе тарасконца уже рисовало картину, какъ онъ попадетъ въ руки евнуховъ, какъ ему отрѣжутъ голову, или сдѣлаютъ что-нибудь еще похуже, зашьютъ въ кожаный мѣшокъ и бросятъ въ море. Это значительно охладило его пылъ. А крошечная туфелька, знай себѣ, не унимается, большіе темные глаза, словно черные бархатистые цвѣты, такъ и шепчутъ: «сорви насъ!»

Омнибусъ остановился на театральной площа-

ди, противъ улицы Бабъ-Ацуна. Одна за другою вышли изъ него мавританки, кутаясь въ свои покрывала. Сосѣдка Тартарена поднялась съ мѣста послѣднею и при этомъ ея лицо такъ близко наклонилось въ лицу нашего героя, что онъ почувствовалъ на себѣ ея дыханіе, вѣющее молодостью и свѣжестью, ароматъ жасмина, мускуса и конфектъ. На этотъ разъ тарасконецъ не выдержалъ. Опьяненный любовью и готовый на все, онъ бросился слѣдомъ за мавританкой. Слыша за собой топотъ его тяжеловѣсныхъ шаговъ, она обернулась, приложила палецъ къ тому мѣсту покрывала, за которымъ предполагались губы, и бросила ему вѣнокъ изъ нанизанныхъ одинъ на другой цвѣтовъ жасмина. Тартаренъ нагнулся поднять его; но такъ какъ герой нашъ былъ довольно полонъ и, въ тому же, обремененъ своимъ вооруженіемъ, то и не могъ скоро управиться съ этимъ. Когда онъ поднялся, прижимая въ сердцу вѣнокъ жасминовъ, мавританки уже не было.

VIII
Спите спокойно, львы африканскіе!

Спите, африканскіе львы! Спите спокойно въ вашихъ логовахъ среди алоэ и дикихъ кактусовъ. Тартаренъ изъ Тараскона не скоро еще начнетъ избивать васъ. Всѣ его боевые снаряды, ящики съ оружіемъ, аптека, складная палатка, питательные консервы мирно лежатъ, упакованные, въ «Европейской гостиницѣ». Мирно покойтесь и вы, хищники грозной пустыни! Тарасконецъ ищетъ свою мавританку. Со времени поѣздки въ омнибусѣ несчастному герою во снѣ и на яву чудится шаловливая красная туфелька, заигрывавшая съ его толстыми сапогами, и въ каждомъ дуновеніи морскаго вѣтерка слышится запахъ мускуса, конфектъ и жасмина.

Тартаренъ жить не можетъ безъ своей мавританки. Онъ долженъ найти ее во что бы то ни стало! Только не легкое дѣло разыскать въ городѣ со стотысячнымъ населеніемъ женщину по такимъ примѣтамъ, какъ цвѣтъ глазъ и туфель, да ароматъ дыханія, и лишь безъ ума влюбленный тарасконецъ способенъ пуститься на такое

предпріятіе. Всего ужаснѣе то, что подъ своими бѣлыми чехлами всѣ мавританки похожи одна на другую. Къ тому же, эти дамы почти никуда не показываются, и чтобы увидать ихъ, надо идти въ верхній городъ, въ арабскій кварталъ, въ городъ турки. А этотъ городъ настоящая трущоба: темные переулки, точно корридоры, безпорядочно тянутся по горамъ; мрачные дома подозрительно смотрятъ на прохожаго своими крошечными, рѣшетчатыми окнами; всѣ двери наглухо заперты; по обѣ стороны множество темныхъ лавчонокъ, въ которыхъ сидятъ свирѣпые турки, курятъ трубки съ длинными чубувами и тихо говорятъ о чемъ-то другъ съ другомъ. Кто ихъ знаетъ, о чемъ они тамъ говорятъ; быть можетъ, на разбой сговариваются.

Не желая быть уличеннымъ во лжи, я не могу сказать, чтобы Тартаренъ съ покойнымъ сердцемъ проходилъ по опаснымъ закоулкамъ верхняго города. Совсѣмъ напротивъ, онъ сильно волновался и лишь съ большими предосторожностями пускался въ эти темныя ущелья, зорко посматривалъ по сторонамъ и не спускалъ руки съ курка револьвера, точь-въ-точь какъ въ Тарасконѣ по дорогѣ къ клубу. Каждую минуту ему казалось, что вотъ-вотъ нагрянетъ стая евнуховъ

и янычаръ и пойдетъ потѣха. Но непреодолимое желаніе разыскать даму сердца вдохновляло его безумную храбрость и придавало ему сверхъестественную силу.

Въ продолженіе цѣлой недѣли Тартаренъ всѣ дни проводилъ въ верхнемъ городѣ. Его постоянно можно было встрѣтить прохаживающимся вблизи мавританскихъ бань, подкарауливающимъ выходъ мусульманскихъ дамъ, или же сидящимъ у входа въ мечеть и съ величайшими усиліями стаскивающимъ охотничьи сапоги, чтобы войти въ храмъ правовѣрныхъ. Иногда съ наступленіемъ ночи, на возвратномъ пути, послѣ безплодныхъ поисковъ вокругъ бань и мечетей, нашъ тарасконецъ останавливался у мавританскаго дома, изъ котораго слышалось монотонное пѣніе, звуки гитары и тамбурина и доносились отрывки женскихъ голосовъ, женскаго смѣха.

— Она тутъ, быть можетъ! — шепталъ онъ съ замираніемъ сердца и, если на улицѣ никого не было, онъ подходилъ къ дому, брался за молотокъ низкой входной двери и тихонько ударялъ имъ.

Пѣсня и смѣхъ тотчасъ смолкали; за стѣной раздавался неясный шепотъ.

— Смѣлѣй, смѣлѣй! — подбадривалъ себя нашъ герой. — Теперь что-нибудь да будетъ!

Всего чаще бывало, что его обливали холодною водой или осыпали корками апельсиновъ. Ничего болѣе серьезнаго никогда не бывало.

Спите, львы африканскіе!

IX
Князь Григорій Албанскій

Прошло болѣе двухъ недѣль, а бѣдняга Тартаренъ все еще разыскивалъ свою алжирскую даму; весьма правдоподобно, что онъ и до сихъ поръ искалъ бы ее такъ же безуспѣшно, если бы судьба не сжалилась надъ нимъ и не послала ему на помощь нѣкоего знатнаго албанца. Вотъ какъ это случилось: зимой каждую субботу въ алжирскомъ театрѣ бываютъ маскарады, ни дать, ни взять какъ въ парижской Оперѣ. Въ залѣ мало народу: нѣсколько плохенькихъ представительницъ Казино, нѣсколько легкихъ дѣвицъ, всюду слѣдующихъ за арміей, спеціально-маскарадные танцоры съ линючими лицами, въ линючихъ костюмахъ, пять или шесть туземныхъ прачекъ съ букетомъ чеснока и шафраннаго соуса. Но главная суть маскарада не въ залѣ, а въ фойе, которое на этотъ разъ превращается въ игорную комнату. Пестрая и шумливая толпа тѣснится вокругъ зеленыхъ столовъ: пріѣхавшіе въ короткій отпускъ тюркосы, мавританскіе купцы изъ верхняго города, негры, мальтійцы, колонисты,

земледѣльцы, — все это волнуется, трепещетъ, блѣднѣетъ и стискиваетъ зубы, лихорадочнымъ, мутнымъ взглядомъ слѣдитъ за картами. Тамъ и сямъ завязываются ссоры, драки, крикъ и ругань на всѣхъ возможныхъ языкахъ, сверкаютъ ножи, является полиція, денегъ не досчитываются...

Разъ Тартаренъ зашелъ сюда размыкать тоску, забыться среди шума и гама этой дикой сатурналіи. Онъ ходилъ одинъ-одинешенекъ и никакъ не могъ отогнать отъ себя мысли о плѣнившей его мавританкѣ, какъ вдругъ у одного изъ столовъ, среди криковъ и звона золота, до его слуха донеслись раздраженные голоса:

— Я вамъ говорю, что у меня пропало двадцать франковъ!

— Позвольте, однако...

— Чего тамъ, позвольте!

— Да знаете ли вы, съ кѣмъ говорите?

— Любопытно!

— Я князь Григорій Албанскій!

При этомъ имени Тартаренъ, въ сильномъ волненіи, протискался сквозь толпу къ самому столу, очень довольный и гордый тѣмъ, что встрѣтилъ албанскаго князя, съ которымъ познакомился на пароходѣ. Тутъ, однако же, оказалось, что громкій княжескій титулъ не произвелъ ни малѣйшаго

впечатлѣнія на офицера, съ которымъ происходила ссора.

— Что же изъ этого слѣдуетъ? — насмѣшливо воскликнулъ офицеръ и продолжалъ, обращаясь къ публикѣ:- Григорій Албанскій?... Господа, кто слыхалъ про Григорія Албанскаго?... Никто!

Тартаренъ выступилъ впередъ.

— Извините... я знаю его свѣтлость! — сказалъ онъ, гордо выпячивая грудь.

Офицеръ осмотрѣлъ его съ головы до ногъ и пожалъ плечами.

— Ну, ладно... Подѣлите между собой мои двадцать франковъ и убирайтесь къ чорту!

Пылкій Тартаренъ хотѣлъ броситься за удалявшимся офицеромъ, но князь удержалъ его:

— Оставьте... Я самъ раздѣлаюсь съ нимъ, — и, взявши Тартарена подъ руку, онъ поспѣшно вышелъ изъ театра.

Когда они очутились на площади, албанскій князь снялъ шляпу, протянулъ руку нашему герою и, смутно припоминая его фамилію, началъ взволнованнымъ голосомъ:

— Господинъ Барбаренъ...

— Тартаренъ! — робко подсказалъ тотъ.

— Ну, Тартаренъ, Барбаренъ, все равно... Теперь мы друзья на жизнь и смерть!

Благородный албанецъ крѣпко пожалъ ему руку. Можете себѣ представить, какою гордостью сіяло лицо Тартарена.

— Князь!... Ваша свѣтлость! — бормоталъ онъ въ восхищеніи.

Четверть часа спустя, друзья сидѣли въ ресторанѣ Платановъ, на террасѣ, выходящей съ морю, и благодушествовали за бутылкою вина. Трудно вообразить себѣ человѣка болѣе привлекательнаго, чѣмъ этотъ албанскій князь. Тонкій, изящный, завитой и гладко выбритый, увѣшанный удивительными орденами, съ проницательнымъ взглядомъ, мягкими манерами и съ леркимъ итальянскимъ акцентомъ, онъ напоминалъ Мазарини въ молодости и при этомъ былъ очень силенъ въ латинскомъ языкѣ, безпрерывно цитировалъ Тацита, Горація и Комментаріи.

Онъ принадлежалъ къ древней владѣтельной династіи; по его разсказамъ можно было заключить, что братья изгнали его изъ отечества за либеральный образъ мыслей, когда ему было лѣтъ десять отъ роду. Съ тѣхъ поръ онъ скитается по свѣту, какъ истинный философъ, изъ любознательности и для собственнаго удовольствія. И странное совпаденіе — князь прожилъ три года въ Тарасконѣ. На выраженное Тартареномъ

удивленіе, что онъ ни разу не встрѣтилъ его ни въ клубѣ, ни на Эспланадѣ, его свѣтлость отвѣтилъ уклончиво: «Я цочти никуда не показывался». Тартаренъ не сталъ разспрашивать: въ жизни великихъ и сильныхъ міра есть всегда немало таинственнаго.

Вообще князь Григорій оказался милѣйшимъ изъ владѣтельныхъ принцевъ. Попивая розовое вино Кресчіи, онъ терпѣливо слушалъ разсказы Тартарена про таинственную мавританку и даже похвалился, что быстро разыщетъ ее, такъ какъ былъ хорошо знакомъ со многими туземными дамами.

Выпили они основательно и бесѣдовали долго. На тосты князя: «За здоровье алжирскихъ красавицъ!» Тартаренъ отвѣчалъ тостами: «За освобожденіе Албаніи!»

Внизу подъ террасой рокотало море, плескались волны о берегъ; ночной воздухъ ласкалъ и нѣжилъ тепломъ; на небѣ сверкали безчисленныя миріады звѣздъ; въ платанахъ пѣлъ соловей.

По счету заплатилъ Тартаренъ.

IX
Скажи мнѣ имя твоего отца, и я тебѣ скажу названіе этого цвѣтка

Молодцы эти албанскіе князья, право! Ранымъ-равешенько на другой день послѣ вечера, проведеннаго въ ресторавѣ Платановъ, князь Григорій былъ у Тартарена.

— Вставайте скорѣй и одѣвайтесь... Ваша мавританка найдена... Зовутъ ее Байя... Ей двадцать лѣтъ, хороша, какъ цвѣтокъ, и уже вдова.

— Вдова!... Вотъ удача! — радостно воскликнулъ храбрый Тартаренъ, подумывавшій о восточныхъ мужьяхъ съ понятною тревогой.

— Вдова, но... у нея есть братъ.

— Ахъ, чортъ возьми!

— Свирѣпый мавръ!... Трубками торгуетъ на Орлеанскомъ базарѣ.

Минута молчанія.

— Ну, да васъ-то этимъ не испугаешь, — заговорилъ князь. — Къ тому же, мы какъ-нибудь и поладимъ, быть можетъ, съ этимъ разбойникомъ, если купимъ у него нѣсколько трубокъ. Одѣвайтесь-ка, одѣвайтесь, счастливчикъ!

Блѣдный, взволнованный, съ сердцемъ, замирающимъ отъ любви, Тартаренъ вскочилъ съ постели и сталъ наскоро застегивать свои широчайшіе фланелевые кальсоны.

— Что же мнѣ дѣлать? — обратился онъ къ князю.

— Очень просто: написать обворожительной вдовушкѣ и просить у нея свиданія.

— Такъ она знаетъ по-французски! — уныло проговорилъ тарасконецъ, мечтавшій о настоящемъ, чистѣйшемъ Востокѣ, безъ малѣйшей посторонней примѣси.

— Ни единаго слова не знаетъ, — отвѣтилъ князь совершенно спокойно. — Вы мнѣ продиктуете письмо по-французски, а я переведу, вотъ и все.

— О, князь, какъ вы добры!

Тартаренъ молча и сосредоточенно заходилъ по комнатѣ. Нельзя же писать мавританкѣ, какъ пишутъ какой-нибудь портнихѣ въ Тарасконѣ. Къ счастію, нашъ герой былъ достаточно начитанъ, что дало ему возможность изъ соединенія краснорѣчія индѣйцевъ Густава Эмара съ Путешествіемъ на Востокъ Ламартина и съ сохранившимися въ памяти отрывками изъ Жаколліо составить письмо въ наилучшемъ восточномъ

вкусѣ. Письмо начиналось такъ: Подобно страусу въ пескахъ пустыни... и заканчивалась фразой: Скажи мнѣ имя твоего отца, и я тебѣ скажу названіе этого цвѣтка...

Тартарену очень хотѣлось, вмѣстѣ съ письмомъ, послать дамѣ своего сердца букетъ эмблематическихъ цвѣтовъ, какъ это дѣлается на Востокѣ; но князь Григорій сказалъ, что будетъ много превосходнѣе купить нѣсколько трубокъ у брата красавицы и тѣмъ, съ одной стороны, заручиться благорасположеніемъ свирѣпаго мавра, съ другой — сдѣлать пріятный подарокъ очаровательной мавританкѣ, курящей очень много.

— Такъ идемте скорѣй покупать трубки! — воскликнулъ сгорающій отъ нетерпѣнія Тартаренъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Вы подождите, я схожу одинъ... Мнѣ онъ дешевле уступитъ.

— Какъ! Вы сами?... О, ваша свѣтлость! — и сконфуженный, глубоко тронутый Тартаренъ подалъ свой кошелекъ обязательному албанцу, прося его не щадить издержекъ, лишь бы только угодить прелестной вдовушвѣ.

Дѣло, однако же, хотя и отлично направленное, пошло далеко не такъ быстро, какъ того можно было ожидать. Мавританка была очень тронута краснорѣчіемъ Тартарена, очарована его любез-

ностью и съ нетерпѣніемъ ждала свиданія съ нимъ; всѣ затрудненія происходили со стороны брата и, чтобы устранить ихъ, приходилось покупать дюжины, сотни трубовъ, цѣлые тюки.

«На что нужны Байѣ всѣ эти трубви?» — разсуждалъ иногда самъ съ собою Тартаренъ и, все-таки, продолжалъ покорно расплачиваться.

Наконецъ, перекупивши горы трубокъ и насочинявши почти томъ поэтическихъ посланій въ восточномъ вкусѣ, Тартаренъ достигъ желаемаго. Я считаю излишнимъ распространяться о томъ, съ какимъ замираніемъ сердца собирался нашъ тарасконецъ идти на первое свиданіе, какъ тщательно онъ подстригалъ, выглаживалъ и душилъ свою загрубѣлую бороду охотника по фуражкамъ и какъ онъ не забылъ сунуть въ карманы кистень и два или три револьвера: осторожность никогда не мѣшаетъ.

Князь былъ такъ обязателенъ, что пошелъ съ Тартареномъ на это первое свиданіе въ качествѣ переводчика. Вдовушка жила въ верхнемъ городѣ. У ея двери молодой мавръ, лѣтъ тринадцати или четырнадцати, курилъ сигаретки. Это-то и былъ самъ Али, братъ красавицы. Какъ только Али увидалъ подходящихъ посѣтителей, онъ постучалъ въ дверь и молча удалился. Дверь

отворилась. Гостей встрѣтила негритянка и, тоже не говоря ни слова, провела ихъ черезъ внутренній дворъ въ маленькую прохладную комнатку, въ которой ихъ ожидала хозяйка, полулежа на низенькомъ диванѣ. На первый взглядъ она показалась Тартарену меньше ростомъ и полнѣе мавританки, встрѣченной имъ въ омнибусѣ. Ужъ, полно, та ли это самая? Но такое подозрѣніе лишь мимолетною искрой пронеслось въ головѣ Тартарена.

Вдовушка была такъ очаровательна: голыя ножки шаловливо выглядывали изъ-подъ складокъ пестраго платья, нѣжныя ручки были унизаны кольцами, золотистаго цвѣта лифъ обхватывалъ полный, какъ разъ въ мѣру, станъ. Вся она такая кругленькая, свѣженьная. соблазнительная. Янтарный мундштукъ кальяна дымился въ ея губахъ и всю ее заволакивалъ нѣжнымъ облакомъ ароматнаго дыма. Тартаренъ вошелъ въ комнату, приложилъ руку къ сердцу и привѣтствовалъ хозяйку самымъ изящнѣйшимъ мавританскимъ поклономъ, стараясь придать своимъ глазамъ выраженіе пламенной страсти. Байя нѣсколько секундъ оглядывала его, не говоря ни слова; потомъ уронила мундштукъ, опрокинулась на подушки и закрыла лицо руками. Ея красивая

шея и круглыя плечи судорожно вздрагивали отъ неудержимаго, безумнаго хохота.

XI
Сиди Тартрибенъ-Тартри

Если вы зайдете какъ-нибудь вечеромъ въ одну изъ алжирскихъ кофеенъ верхняго города, то и теперь еще можете услыхать, какъ старожилы разсказываютъ другъ другу съ подмигиваніями и усмѣшечками про нѣкоего Сиди Тартрибенъ-Тартри, очень любезнаго и богатаго европейца, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ проживалъ здѣсь съ одною мѣстною дамочкой, по имени Байя. Сиди Тартри, оставившій по себѣ столь веселую и игривую память, былъ никто иной, — читатель уже догадался, — какъ нашъ Тартаренъ.

Да, такъ въ мірѣ семъ всегда бываетъ: въ жизни великихъ подвижниковъ и героевъ проскальзываютъ часы ослѣпленія, заблужденія и слабости. Знаменитый тарасконецъ не избѣжалъ общей участи, и вотъ почему, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, забывая львовъ и славу, онъ упивался любовью и предавался восточной нѣгѣ, убаюканный прелестями бѣлаго Алжира, подобно тому, какъ Аннибалъ когда-то благодушествовалъ въ

Капуѣ.

Тартаренъ нанялъ домикъ въ самомъ центрѣ арабскаго квартала, хорошенькій, настоящій туземный домикъ, съ внутреннимъ дворикомъ, съ бананами, прохладною верандой и фонтаномъ. Тутъ онъ жилъ вдали отъ всякаго шума съ своею мавританкой, самъ превратившись съ головы до ногъ въ мавра, трубя цѣлый день свой кальянъ и услаждаясь конфектами съ мускусомъ. Байя тутъ же лежитъ на диванѣ съ гитарой въ рукахъ и напѣваетъ монотонныя мелодіи. Иногда, для развлеченія своего властелина, она встаетъ и исполняетъ восточный танецъ съ маленькимъ зеркаломъ въ рукѣ, въ которое любуется на свои блестящіе зубы и на кокетливыя улыбки.

Такъ какъ Байя ни слова не знала по-французски, а Тартаренъ — ни слова по-арабски, то бесѣды и не могли блистать особеннымъ оживленіемъ; и тутъ-то болтливый тарасконецъ могъ на досугѣ покаяться во всѣхъ вольныхъ и невольныхъ, но безчисленныхъ грѣхахъ, учиненныхъ имъ словомъ въ аптекѣ Безюке или въ лавкѣ оружейника Костекальда. Но въ самомъ этомъ покаяніи была своего рода прелесть. Невольное молчаніе въ теченіе цѣлаго дня навѣвало на Тартарена какъ бы сладострастную дремоту подъ звуки гитары,

глухаго бурчанья кальяна и однообразнаго рокота фонтана.

Кальянъ, бани и любовь наполняли всю его жизнь. Наша счастливая парочка рѣдко выходила изъ дома. Иногда Сиди Тартри отправлялся вдвоемъ съ своею сожительницей на добромъ мулѣ полакомиться гранахами въ маленькомъ саду, куиленномъ нашимъ героемъ въ окрестностяхъ города. Но ни разу онъ и не подумалъ даже спуститься въ нижніе, европейскіе кварталы съ ихъ кутящими зуавами, съ ихъ алькасарами, биткомъ набитыми офицерами, съ этимъ вѣчнымъ дребезжаньемъ сабель по мостовой; ему противенъ и невыносимъ былъ европейско-солдатскій Алжиръ, похожій на кордегардію Запада.

Вообще доблестный тарасконецъ наслаждался полнымъ счастіемъ; въ особенности же заявлялъ свое довольство этою новою жизнью Тартаренъ-Санхо, которому очень по вкусу пришлись восточныя лакомства. На Тартарена-Кихота находили, правда, иногда минуты тоскливаго раскаянья при воспоминаніи о Тарасконѣ и объ обѣщанныхъ львиныхъ шкурахъ. Но мрачное настроеніе быстро исчезало отъ одного взгляда Байи или отъ одной ложки дьявольскихъ восточныхъ вареній, душистыхъ и пряныхъ, какъ

напитокъ Цирцеи.

Вечерами заходилъ князь Григорій поговорить о свободной Албаніи. По своей безграничной любезности, этотъ милѣйшій изъ странствующихъ принцевъ исполнялъ въ домѣ должность переводчика, при случаѣ даже управляющаго, и все это даромъ, конечно, такъ, удовольствія ради. Кромѣ князя, у Тартарена бывали только турки. Всѣ ужасные пираты съ свирѣпыми лицами, нагонявшіе на него вначалѣ такой страхъ, оказались, при ближайшемъ знакомствѣ, добрыми и безобидными торговцами, лавочниками и ремесленниками, людьми благовоспитанными, тихими и скромными, себѣ на умѣ, большими мастерами играть въ карты. Раза четыре, пять въ недѣлю эти господа приходили провести вечеръ у Сиди Тартри, слегка обыгрывали его, поѣдали его варенье и въ десять часовъ расходились по домамъ, славя Аллаха и пророка его.

Проводивши гостей, Сиди Тартри и его вѣрная подруга заванчивали вечеръ на террасѣ или, вѣрнѣе, на бѣлой крышѣ дома, служившей террасой и господствовавшей надъ всѣмъ городомъ. Кругомъ тысячи такихъ же бѣлыхъ террасъ, освѣщенныхъ луною, спускались уступами до самаго моря. Съ нѣкоторыхъ изъ нихъ доносились чуть

слышные звуки гитаръ. И вдругъ среди неясныхъ и трепетныхъ звуковъ, точно снопъ лучезарныхъ звѣздъ, прорѣзывала ночной воздухъ и неслась къ небу торжественная мелодія; то былъ голосъ красавца муэзина, статная фигура котораго ясно выдѣлялась на минаретѣ ближней мечети. Онъ пѣлъ славу Аллаха и далеко неслась его чудная, звучная пѣсня.

Байя тотчасъ же опускала гитару и восторженнымъ взоромъ, обращеннымъ къ муэзину, какъ бы упивалась словами молитвы. До тѣхъ поръ, пока длилось пѣніе, она глазъ не спускала съ минарета, вся трепещущая подъ вліяніемъ охватившаго ее экстаза. Растроганный Тартаренъ умиленно смотрѣлъ на нѣмую молитву своей подруги и думалъ, какъ увлекательна и хороша должна быть религія, способная доводить человѣка до такой высокой степени воодушевленія.

Облекись во вретище, Тарасконъ, и посыпь главу пепломъ! Твой Тартаренъ подумывалъ сдѣлаться ренегатомъ.

XII
Намъ пишутъ изъ Тараскона...

Разъ какъ-то Сиди Тартри возвращался одинъ верхомъ на мулѣ изъ своего пригороднаго садика. Въ воздухѣ уже вѣяло вечернею прохладой. Убаюканный развалистымъ шагомъ своего мула, охваченный полудремотой благополучнаго обывателя, сложивши ручки на животѣ, нашъ счастливецъ мѣрно раскачивался на покойномъ сѣдлѣ, обвѣшанномъ плетюшками съ арбузами и огромными толстокожими лимонами. Въ городѣ его заставилъ очнуться громкій голосъ, назвавшій его по имени.

— Э!... Вотъ нежданная встрѣча! Господинъ Тартаренъ, если не ошибаюсь?

Тартаренъ поднялъ голову и тотчасъ же узналъ загорѣлое лицо Барбасу, капитана парохода Зуавъ. Онъ сидѣлъ у двери маленькой кофейной, курилъ трубку и попивалъ абсентъ.

— А, здравствуйте, Барбасу, — отвѣтилъ Тартаренъ, останавливая своего мула, — какъ поживаете?

Вмѣсто отвѣта, Барбасу оглядѣлъ его удивлен-

ными глазами, потомъ расхохотался, да такъ расхохотался, что Тартарену стало даже неловко.

— Съ чего это вы въ чалму-то нарядились, мой добрѣйшій господинъ Тартаренъ?... Неужто правду болтаютъ, будто вы сдѣлались туркой?... А какъ поживаетъ маленькая Байичка? Все еще распѣваетъ Marco la Belle?

— Marco la Belle? — переспросилъ Тартаренъ недовольнымъ тономъ. — Да будетъ вамъ извѣстно, капитанъ, что особа, о которой вы говорите, честная мавританка и ни слова не знаетъ по-французски.

— Байя не знаетъ по-французски?... Да вы-то въ своемъ ли умѣ? — и капитанъ захохоталъ еще громче. Но, увидавши, какъ вытягивается лицо бѣдняги Сиди Тартри, онъ поспѣшилъ прибавить:- Впрочемъ, можетъ быть, это и не та совсѣмъ... Быть можетъ, я спуталъ... Только знаете что, господинъ Тартаренъ, вы хорошо сдѣлаете, если не очень-тобудете довѣрять алжирскимъ мавританкамъ и албанскимъ князьямъ!

Тартаренъ выпрямился на сѣдлѣ и выпятилъ грудь.

— Капитанъ! Князь — мой другъ!...

— Ну, ладно, ладно... не сердитесь. Выпьемте-ка лучши. Не хотите?... Не дадите ли какого пору-

ченія домой?... Тоже нѣтъ?... Ну, такъ счастливый путь... Да, кстати, землякъ, у меня вотъ хорошій французскій табакъ. Могу подѣлиться... Берите, берите!... Онъ вамъ будетъ на пользу... А то ваши проклятые восточные табаки скверно дѣйствуютъ на мозги...

Капитанъ усѣлся опять за столикъ и принялся за свой абсентъ, а Тартаренъ, погруженный въ невеселую думу, поѣхалъ домой неторопливою рысцой. Хотя его возвышенно-благородная душа и отказывалась вѣрить чему-либо дурному, тѣмъ не менѣе, его опечалили инсинуаціи капитана; а этотъ родной, провансальскій выговоръ, это напоминаніе о далекой отчизнѣ,- все это вновь разбудило смутныя угрызенія совѣсти.

Дома онъ не нашелъ никого. Байя ушла въ баню. Негритянка показалась ему безобразной, домъ мрачнымъ. Подъ гнетомъ безотчетной тоски Тартаренъ сѣлъ у фонтана и сталъ набивать трубку табакомъ, даннымъ ему Барбасу. Табакъ былъ завернутъ въ обрывокъ газеты Семафоръ. Нашему герою бросилось въ глаза имя роднаго города и онъ сталъ читать:

«Намъ пишутъ изъ Тараскона:

„Городъ въ большомъ волненіи. Отъ Тартарена, истребителя львовъ, уѣхавшаго въ Африку на

охоту за этими страшными хищникаи, уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ нѣтъ никакіхъ извѣстій. Что сталось съ нашимъ смѣлымъ соотечественникомъ? Страшно даже подумать, когда знаешь, какъ знаемъ мы, его необыкновенную пылкость, его безумную храбрость и жажду опасныхъ приключеній. Погибъ ли онъ, подобно многимъ другимъ, въ пескахъ пустыни, или сталъ жертвою страшныхъ чудовищъ, шкуры которыхъ онъ обѣщалъ привезти согражданамъ? Ужасная неизвѣстность! Здѣсь былъ, впрочемъ, слухъ, занесенный негритянскіми купцами, пріѣзжавшими на ярмарку въ Бокеръ, будто они встрѣтили въ пустынѣ по дорогѣ на Томбукту одного европейца, примѣты котораго сходны съ внѣшностью нашего дорогаго Тартарена... Господь да сохранитъ его намъ на многіе годы!“

Прочитавши это, тарасконецъ покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ; дрожь пробѣжала по его тѣлу. Передъ нимъ вдругъ предсталъ весь Тарасконъ: клубъ, охотники по фуражкамъ, зеленое кресло въ лавкѣ Костекальда, а надъ кресломъ, подобно орлу съ распростертыми крыльями, огромные усы храбраго капитана Бравиды... А онъ... онъ, Тартаренъ, позорно сидитъ тутъ на коврѣ, поджавши подъ себя ноги, какъ какой-нибудь турка,

въ то время, какъ его соотечественники воображаютъ, будто онъ избиваетъ кровожадныхъ чудовищъ. Тартарену изъ Тараскона стало невыносимо стыдно и онъ заплакалъ.

Вдругъ герой воспрянулъ:

— На львовъ! На львовъ!

И онъ бросился въ чуланъ, гдѣ подъ слоемъ пыли бездѣйственно валялись складная палатка, аптека, консервы, ящиви съ оружіемъ...

Черезъ минуту все это было уже на серединѣ двора. Покончились дни Тартарена-Санхо; налицо оставался только Тартаренъ-Кихотъ.

Все быстро осмотрѣно; вооруженіе, весь снарядъ, огромные сапоги надѣты; написана короткая записка, которою Байя поручается дружескимъ попеченіямъ князя; къ запискѣ приложено нѣсколько голубыхъ банковыхъ билетовъ, смоченныхъ слезами... и неустрашимый Тартаренъ мчится въ дилижансѣ по дорогѣ на Блидахъ... Въ опустѣвшемъ домикѣ негритянка растерянно разводитъ руками надъ опрокинутымъ кальяномъ, надъ чалмой, валяющейся рядомъ съ туфлями, надъ всѣми мусульманскими доспѣхами Сиди Тартри, безпорядочно разбросанными подъ фигурнымъ навѣсомъ веранды...

ТРЕТІЙ ЭПИЗОДЪ
Въ странѣ львовъ

I
Дилижансы въ ссылкѣ

По пыльному алжирскому шоссе катился грузный дилижансъ, по старинному обитый толстымъ, вылинявшимъ отъ времени голубымъ сукномъ, съ огромными жесткими помпонами въ углахъ стежки. Тартаренъ усѣлся, какъ могъ, въ углу кареты. Въ ожиданіи вдохнуть въ себя просторъ пустынь, по которымъ рыщутъ африванскіе хищные звѣри, нашъ герой вынужденъ былъ довольствоваться пока специфическимъ запахомъ стараго дилижанса, странною смѣсью всевозможныхъ запаховъ отъ людей, лошадей, сьѣстныхъ припасовъ, кожи чемодановъ и гнилой соломы. И народъ въ каретѣ былъ всякій: монахъ-траппистъ, купецъ жидъ, двѣ кокотки, догоняющія свой полкъ — третій гусарскій, фотографъ изъ Орлеансвилля. Но какъ ни разнообразно и интересно было такое общество, нашъ тарасконецъ не расположенъ былъ вступать въ разговоры и сидѣлъ, мрачно задумавшись, заложивши руки за перевязи своего вооруженія и уставивши штуцера между колѣнами. Его спѣш-

ный отъѣздъ, темные глаза Байи, перспектива грозныхъ опасностей охоты, — все это волновало его умъ и сердце, а тутъ еще этотъ старый европейскій дилижансъ своимъ патріархальнымъ видомъ смутно напоминалъ о Тарасконѣ, о давно прошедшемъ, о дняхъ молодости, поѣздкахъ по окрестностямъ города, о веселыхъ обѣдахъ на берегу Роны.

Смерклось, наступила ночь. Кондукторъ зажегъ фонари. Дилижансъ катился, жалобно поскрипывая заржавленными рессорами, лошади отбивали ногами частую дробь по дрянному шоссе; погромыхивали бубенцы. Отъ времени до времени съ имперіала кареты раздавался грохотъ желѣза. Это встряхивалось боевое снаряженіе смѣлаго охотника. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ Тартаренъ видѣлъ еще, сквозь дремоту, забавныя фигуры сосѣдей, то мѣрно кивающихъ головами въ тактъ качки экипажа, то подпрыгивающихъ на толчкахъ; потомъ его глаза закрылись, мысли спутались и только въ ушахъ раздавался неясный гулъ колесъ и старческое покряхтываніе тяжелаго дилижанса.

Вдругъ какой-то таинственный голосъ, хриплый и шамкающій, назвалъ тарасконца по имени:

— Господинъ Тартаренъ! Господинъ Тартаренъ!

— Что нужно? Кто зоветъ меня?

— Я, господинъ Тартаренъ... Вы меня не узнаете?... Я старый дилижансъ, возившій двадцать лѣтъ тому назадъ пассажировъ изъ Тараскона въ Нимъ... Сколько разъ возилъ я и васъ, и вашихъ друзей, когда вы отправлялись охотиться по фуражкамъ къ Жонкьеру или къ Бельгару... Сначала я было не призналъ васъ, — ишь вы нарядились туркой, да и пополнѣли таки. Ну, а какъ вы только захрапѣли, тутъ уже не могло быть сомнѣнія, я сразу узналъ васъ.

— Ладно, ладно! — проговорилъ Тартаренъ съ досадой, потомъ смягчился и добавилъ:- Васъ-то, старина, какъ сюда занесло?

— Ахъ, дорогой мой господинъ Тартаренъ, не по доброй волѣ занесло меня сюда, могу васъ завѣрить. Какъ только прошла тамъ желѣзная дорога, такъ сейчасъ же и порѣшили, что я уже никуда не гожусь, и отправили меня въ Африку... Да и не меня одного! Почти всѣ французскіе дилижансы подверглись административной высылкѣ. Признали насъ слишкомъ реакціонными и закабалили въ эту каторгу... Тамъ у васъ во Франціи это зовется алжирскими желѣзными дорогами.

Тяжко вздохнулъ старый дилижансъ и продолжалъ:

— Ахъ, господинъ Тартаренъ, какъ грустно теперь вспомнить о нашемъ миломъ Тарасконѣ! Хорошее было тогда времячко, время моей молодости! Любо было посмотрѣть на меня, чисто-начисто вымытаго каждое утро, протертаго масломъ, съ блестящими фонарями! Любо было послушать, какъ почтарь весело пощелкиваетъ бичомъ! Выйдетъ, бывало, кондукторъ въ расшитой галуномъ фуражкѣ, съ рожкомъ на перевязи, вспрыгнетъ на свое сидѣнье и крикнетъ: «Пошелъ! пошелъ!» Подхватитъ меня четверикъ, звонко гремятъ бубенцы, трубитъ рожокъ, на улицѣ открываются окна и весь Тарасконъ съ гордостью любуется на дилижансъ, несущійся по большой королевской дорогѣ. А дорога-тог господинъ Тартаренъ! Широкая, столбовая, хорошо содержанная. По обѣ стороны симметрически расположены маленькія кучки щебенки, справа и слѣва мелькаютъ виноградники, оливковыя деревья. Черезъ каждые двадцать шаговъ трактиры, каждыя пять минутъ остановки. И что за милые, хорошіе люди были мои пассажиры! Мэры и священники ѣхали въ Нимъ представиться префекту или епископу, фабриканты и торговцы тафтой,

школьники, спѣшащіе на каникулы, добрые земледѣльцы въ расшитыхъ блузахъ, а на имперіалѣ — вы, господа охотники по фуражкамъ, всегда такіе веселые, и каждый изъ васъ распѣваетъ, бывало, свою пѣсенку на возвратномъ пути, послѣ удачной охоты! А теперь, Господи Боже мой, что только дѣлается! Что за народъ я катаю! Нехристей какихъ-то, невѣдомо откуда набѣжавшихъ сюда и всячески грязнящихъ меня, шершавыхъ негровъ. бедуиновъ, какихъ-то разбойниковъ, всевозможныхъ проходимцевъ, оборванныхъ переселенцевъ, коптящихъ меня своими трубками. И весь этотъ людъ говоритъ на такихъ языкахъ, что самъ чортъ ихъ не разберетъ. И ко всему этому вы сами видите, какъ со мною обходятся: ни меня вымоютъ когда, ни меня вычистятъ. Да чего ужь тамъ, — сала въ колеса жалѣютъ. Вмѣсто добрыхъ, крупныхъ и степенныхъ лошадей, запрягаютъ маленькихъ арабскихъ лошаденокъ, бѣшеныхъ какихъ-то; только онѣ и знаютъ, что бьются да кусаются, да прыгаютъ, какъ козы, ломаютъ ваги и рвутъ постромки. Ай, ай, ай!... Вотъ оно! Вотъ опять начинается исторія! Ну, да и дороги же здѣсь! Тутъ-то пока еще сносно, такъ какъ близко начальство; а дальше... тамъ и дорогъ совсѣмъ нѣтъ никакихъ. Кати себѣ, какъ

знаешь, по горамъ, да по доламъ, да по зарослямъ карличковой пальмы и мастиковаго дерева. Даже станцій нѣтъ настоящихъ; останавливаемся гдѣ и когда вздумается кондуктору, то на одной фермѣ, то на другой. Иногда этотъ молодчикъ заставляетъ меня дѣлать крюкъ въ нѣсколько километровъ, чтобы заѣхать къ пріятелю выпить. А потомъ и катай-валяй во всѣ ноги, чтобы наверстать потерянное время. Солнце печетъ, раскаленная пыль жжется! Пошелъ-катай! Зацѣпили, вотъ-вотъ опрокинемся. Пошелъ, погоняй сильнѣй! Рѣченка тутъ, въ бродъ пошелъ, вплавь. Дѣла имъ нѣтъ, что вымочишься, простудишься, утонешь, пожалуй. Пошелъ, пошелъ!... Каково это въ мои-то годы, при моихъ-то ревматизмахъ! А пріѣхали, отпрягутъ тебя и бросятъ на всю ночь середи двора какого-нибудь дряннаго каравансарая на вѣтру и холодѣ. Шакалы и гіены шатаются кругомъ и обнюхиваютъ мои ящики; разные бродяги забираются ночевать въ мой кузовъ. Вотъ каково мое житье, дорогой мой господинъ Тартаренъ; и въ такой-то мукѣ мученической мнѣ приходится доживать свой вѣкъ до того дня, когда упаду я гдѣ-нибудь на дорогѣ, да уже и не поднимусь, и арабы растащатъ меня на щепки варить свое басурманское кушанье.

— Блидахъ! Блидахъ! — возгласилъ кондукторъ, отворяя дверцу.

II
Встрѣча съ однимъ маленькимъ господиномъ

Сквозь потускнѣвшія отъ времени стекла Тартаренъ увидалъ площадь хорошенькаго уѣзднаго городка, обсаженную апельсинными деревьями и окруженную аркадами; середи площади въ утреннемъ туманѣ маршировали и продѣлывали свои учебныя эволюціи маленькіе, точно игрушечные, солдатики. Въ кофейняхъ открывали окна; въ углу площади виднѣлся овощный рынокъ. Все это было очень мило, но львами здѣсь даже не пахло.

— На югъ!... Дальше на югъ! — пробормоталъ Тартаренъ, отодвигаясь отъ окна въ свой уголъ.

Въ эту минуту дверца отворилась. Въ нее ворвались волны свѣжаго воздуха и внесли съ собой ароматъ цвѣтущихъ апельсиновъ, а съ нимъ вмѣстѣ маленькаго господина въ свѣтло-коричневомъ пальто, старенькаго, сухаго, сморщеннаго, съ лицомъ величиной въ кулакъ, съ шеей, стянутой широкимъ чернымъ галстухомъ, съ шагреневымъ сверткомъ подъ мышкой

и дождевымъ зонтомъ въ рукахъ, — типъ деревенскаго нотаріуса. Маленькій господинъ помѣстился противъ Тартарена и съ большимъ недоумѣніемъ сталъ осматривать грозное вооруженіе тарасконскаго героя.

Лошадей отпрягли, запрягли свѣжихъ, дилижансъ покатилъ дальше. Маленькій господинъ продолжалъ смотрѣть на Тартарена. Тотъ началъ, наконецъ, сердиться.

— Васъ это, кажется, удивляетъ? — сказалъ онъ, въ свою очередь, пристально вглядываясь въ сосѣда.

— Нѣтъ, стѣсняетъ, — отвѣтилъ старичокъ совершенно спокойно.

И на самомъ дѣлѣ, Тартаренъ, при своей корпуленціи, да еще обвѣшанный складною палаткой, ружьями, револьверами, охотничьимъ ножомъ, занималъ слишкомъ много мѣста. Отвѣтъ маленькаго господина окончательно взорвалъ тарасконца.

— А по вашему, быть можетъ, мнѣ бы слѣдовало отправиться на львовъ съ вашимъ зонтикомъ? — гордо сказалъ знаменитый охотникъ.

Маленькій старичокъ посмотрѣлъ на свой зонтъ, добродушно улыбнулся и также невозмутимо продолжалъ:

— Такъ вы, стало быть?...

— Тартаренъ изъ Тараскона, истребитель львовъ!

Говоря это, неустрашимый тарасконецъ тряхнулъ синею кистью своей фески, какъ царь пустыни потрясаетъ косматою гривой. Всѣ пассажиры сразу встрепенулись. Траппистъ началъ креститься, кокотки взвизгивали отъ страха, фотографъ изъ Орлеансвилля пододвинулся къ истребителю львовъ, мечтая о чести воспроизвести портретъ великаго охотника. Только маленькій старичокъ остался, по-прежнему, невозмутимымъ.

— И вы уже много убили львовъ, господинъ Тартаренъ? — спросилъ онъ своимъ ровнымъ голосомъ.

— Да, не мало-таки на свой пай!... И во всякомъ случаѣ побольше, чѣмъ у васъ на головѣ волосъ.

Весь дилижансъ невольно разсмѣялся, глядя на три-четыре желтыхъ волоска, торчавшихъ на голой головѣ маленькаго, сморщеннаго старичка. Тутъ заговорилъ фотографъ изъ Орлеансвилля:

— Отчаянно опасное это дѣло, господинъ Тартаренъ... Приходится переживать ужасныя минуты... Вотъ, напримѣръ, бѣдняга Бонбоннель...

— А, да... охотникъ за пантерами... — презри-

тельно сказалъ Тартаренъ.

— Вы знакомы съ нимъ? — спросилъ старичокъ.

— Еще бы!... Разъ двадцать охотились вмѣстѣ.

Маленькій господинъ улыбнулся:

— Такъ и вы, стало быть, охотитесь за пантерами, господинъ Тартаренъ?

— Иногда... знаете, ради забавы, — отвѣтилъ неустрашимый тарасконецъ и прибавилъ съ геройскимъ видомъ, воспламенившимъ сердца двухъ кокотокъ:

— Это далеко не то, что львы!

— Я такъ полагаю, — нерѣшительно замѣтилъ фотографъ. — что пантера, это — просто очень большая кошка...

— Именно! — подтвердилъ Тартаренъ, очень довольный возможностью принизить славу Бонбоннеля, особливо при дамахъ.

Дилижансъ остановился, кондукторъ отворилъ дверцу и, обращаясь къ маленькому старичку, почтительно проговорилъ:

— Вотъ вы и пріѣхали.

Старикъ вышелъ изъ кареты и обратился къ Тартарену:

— Позвольте мнѣ дать вамъ добрый совѣтъ, господинъ Тартаренъ.

— Какой совѣтъ?

— А вотъ какой... Говоря по правдѣ, вы мнѣ кажетесь хорошимъ человѣкомъ... Такъ вотъ что: возвращайтесь-ка поскорѣе назадъ въ Тарасконъ, — здѣсь вамъ дѣлать нечего... Тутъ, пожалуй, найдется еще нѣсколько пантеръ; только для васъ, вѣдь, это слишкомъ мелкая дичь... Ну, а насчетъ львовъ уже не взыщите, — во всемъ Алжирѣ ни одного не осталось... Мой другъ Шассингъ убилъ послѣдняго.

Маленькій старичокъ поклонился, затворилъ дверь и ушелъ, добродушно посмѣиваясь.

— Кондукторъ, кто такой этотъ чудачина? — спросилъ Тартаренъ, презрительно оттопыривши губу.

— Да развѣ же вы его не знаете? Это господинъ Бонбоннель.

III
Монастырь львовъ

Въ Миліонахѣ Тартаренъ покинулъ дилижансъ, направившійся далѣе на югъ. Два дня дорожныхъ толчковъ, двѣ ночи, проведенныя безъ сна и не отрывая глазъ отъ окна въ надеждѣ увидать страшную тѣнь льва гдѣ-нибудь близъ дороги; всѣ пережитыя волненія и безсонница такъ утомили смѣлаго охотника, что онъ почувствовалъ необходимосхъ отдыха. Къ тому же, надо признаться, что со времени неудачнаго приключенія съ Бонбоннелемъ нашему честному тарасконцу, несмотря на его вооруженіе, надменный видъ и красную феску, было очень не по себѣ въ присутствіи фотографа изъ Орлеансвилля и двухъ дѣвицъ третьяго гусарскаго полка.

По широкимъ улицамъ со множествомъ деревьевъ и фонтановъ онъ отправился на поискъ подходящей гостиницы; но у него изъ головы не выходили слова Бонбоннеля. А что, если онъ сказалъ правду? Что, если и въ самомъ дѣлѣ въ Алжирѣ нѣтъ совсѣмъ львовъ? Изъ-за чего же столько хлопотъ, лишеній и тревогъ?

Вдругъ на поворотѣ одной улицы нашъ герой встрѣтился лицомъ къ лицу — угадайте, съ кѣмъ? — съ великолѣпнымъ львомъ, сидящимъ пособачьи у двери кофейной, гордо раскинувши на солндѣ свою золотистую гриву.

— Что же они мнѣ врутъ, будто львовъ нѣтъ! — воскликнулъ Тартаренъ, отскакивая назадъ.

Левъ услыхалъ это восклицаніе, опустилъ голову и, взявши въ пасть стоявшую на тротуарѣ деревянную чашку, покорно протянулъ ее къ неподвижному отъ изумленія Тартарену. Проходившій мимо арабъ бросилъ въ чашку мѣдную монету; левъ завилялъ хвостомъ. Тутъ Тартарену все стало ясно. Онъ увидалъ то, чего въ первую минуту волненія не успѣлъ разсмотрѣть: толпу, стоявшую вокругъ несчастнаго слѣпаго и прирученнаго льва, и двухъ вооруженныхъ тяжелыми дубинами негровъ, водившихъ по городу грознаго царя пустынь, какъ савойяры водятъ своихъ сурковъ. Тартарена такъ и взорвало.

— Мерзавцы! — крикнулъ онъ громовымъ голосомъ. — Осмѣливаться такъ унижать благородное животвое!

Нашъ герой бросился къ льву и вырвалъ чашку изъ его царственной пасти. Негры-поводильщики, воображая, что имѣютъ дѣло съ воромъ,

кинулись на тарасконца. Произошла страшная свалка. Негры работали кулаками, женщины визжали, ребятишки хохотали. Старый жидъ-башмачникъ вышелъ изъ своей лавчонви:

— Къ мировой шудью ташши! Къ мировой шудью!

Даже слѣпой левъ попытался рявкнуть. А несчастный Тартаренъ, послѣ отчаянной борьбы, покатился на пыльную улицу среди разсыпанныхъ мѣдяковъ.

Въ эту минуту какой-то человѣкъ пробился сквозь толпу, двумя словами успокоилъ негровъ, отстранилъ вопящихъ бабъ и хохочущихъ ребятишекъ, поднялъ Тартарена, отряхнулъ съ него пыль и соръ и усадилъ его на тротуарный столбивъ.

— Князь!... Вы!... Какими судьбами? — говорилъ запыхавшійся добрякъ Тартаремъ, потирая намятые бока.

— Я, я, мой доблестный другъ, — я собственною персоной. Какъ только я получилъ ваше письмо, такъ сейчасъ же поручилъ Байю попеченіямъ ея брата, взялъ почтовую карету, сломя голову промчался пятьдесятъ лье и, какъ видите, подоспѣлъ какъ разъ вовремя, чтобы освободить васъ отъ неистовства этихъ дикарей... Да что вы такое

надѣлали и изъ за чего вышла вся эта непріятная исторія?

— Ахъ, князь!... Ну, посудите сами, каково же это видѣть несчастнаго льва съ нищенскою чашкой въ зубахъ... Униженный, порабощенный, опозоренный, служащій посмѣшищемъ негоднымъ ребятишкамъ...

— Вы ошибаетесь, вы жестоко ошибаетесь, мой благородный другъ. Совсѣмъ напротивъ, этотъ левъ пользуется величайшимъ почетомъ. Это священное животное принадлежитъ къ составу большаго монастыря львовъ, основаннаго лѣтъ триста назадъ Магометомъ-бенъ-Ауда. Въ страшной обители четвероногихъ траппистовъ своего рода монахи воспитываютъ и приручаютъ сотни львовъ и отправляютъ ихъ по всей Сѣверной Африкѣ въ сопровожденіи братій-сборщиковъ подаяній... На эти сборы содержатся монастырь и его мечеть, и негры потому ополчились на васъ, что они вѣрятъ, будто за утайку или пропажу, по ихъ винѣ, хотя бы одной монетки левъ немедленно ихъ растерзаетъ.

Слушая неправдоподобный, но, тѣмъ не менѣе, достовѣрный разсказъ, Тартаренъ отдышался и пріободрился.

— Во всемъ этомъ для меня важно одно, — ска-

залъ онъ въ заключеніе, — это то, что, — не во гнѣвъ почтеннѣйшему Бонбоннелю, — въ Алжирѣ, все-таки, есть львы!...

— Еще бы не быть львамъ! — воскликнулъ князь. — Съ завтрашняго дня мы пустимся на поиски въ долину Шелиффа, и вы сами увидите...

— Какъ, князь?... Вы располагаете тоже охотиться?

— А вы что же воображали? Что я васъ покину одного въ глубивѣ Африки, среди дикихъ племенъ, языка и обычаевъ которыхъ вы совсѣмъ не знаете? Нѣтъ, мой знаменитый другъ, я васъ не покину, мы уже болѣе не разстанемся... Куда вы, туда и я съ вами!

— О, князь!... О, ваша свѣтлость!...

И сіяющій отъ счастья Тартаренъ прижалъ въ своей груди благороднаго албанскаго принца. гордо мечтая о томъ, что, подобно Жюлю Жерару, Бонбоннелю и всѣмъ другимъ славнымъ охотникамъ, и ему, Тартарену изъ Тараскона, будетъ сопутствовать иностранный принцъ въ его охотничьихъ подвигахъ.

IV
На походѣ

Раннею зарей слѣдующаго дня неустрашимый Тартаренъ и не менѣе неустрашимый князь Григорій, въ сопровожденіи полдюжины негровъ-носильщиковъ, вышли изъ Миліонаха и направились къ долинѣ Шелиффа по чудесному спуску, отѣненному жасминами, туйями, рожковыми деревьями, дикими маслинами и пересѣкаемому множествомъ звонко и весело журчащихъ ключей.

Князь Григорій также обвѣшался всякимъ оружіемъ, какъ славный охотникъ Тартаренъ, да, кромѣ того, изукрасился великолѣпнымъ и необыкновеннымъ кепи, расшитымъ золотыми галунами и серебряными дубовыми листьями. Такой удивительный головной уборъ придавалъ его высочеству видъ не то мексиканскаго генерала, не то начальника станціи съ береговъ Дуная. Это кепи сильно интриговало тарасконца; онъ рѣшился, наконецъ, осторожно попросить разъясненія у своего спутника.

— Необходимая вещь для путешествій по Афри-

кѣ,- важно отвѣтилъ князь, протирая рукавомъ блестящій козырекъ, и потомъ сообщилъ своему наивному товарищу всю важность роли, какую играетъ кепи въ сношеніяхъ съ арабами, пояснилъ ему, что только военная фуражка способна внушать имъ надлежащій страхъ, такъ что гражданское управленіе нашлось вынужденнымъ нарядить въ кепи всѣхъ своихъ служащихъ, начиная съ сторожей и кончая сборщиками податей. Въ сущности, для управленія Алжиромъ, — поучалъ князь своего друга, — не требуется дѣльныхъ головъ, да и никакихъ головъ, пожалуй, не требуется; нужно только кепи, блестящее кепи, расшитое какъ можно ярче и надѣтое хоть на палку.

Друзья разсуждали и философствовали, а караванъ все подвигался и подвигался впередъ. Босоногіе носильщики прыгали съ камня на камень, покрикивая, какъ обезьяны. Оружіе въ ящикахъ громыхало; ружья блестѣли на солнцѣ. Встрѣчные туземцы чуть не до земли преклонялись передъ чудодѣйственнымъ кепи. А тамъ, наверху, на укрѣпленіяхъ Миліонаха, вышелъ было подышать утреннею прохладой начальникъ арабскаго бюро съ своею супругой, да услыхалъ подозрительный звонъ оружія, увидалъ блескъ

стволовъ между деревьями и вообразилъ, что это подкрадываются немирные арабы напасть на городъ, приказалъ скорѣе опустить подъемный мостъ, ударить тревогу и привести городъ въ осадное положеніе.

Недурное начало для каравана!

Къ вечеру, однако же, дѣла пошли худо. Одинъ изъ негровъ, несшихъ багажъ, наѣлся липкаго пластыря изъ аптечки и катался по землѣ отъ жестокихъ спазмъ; другой валялся мертво пьяный отъ выпитаго канфарнаго спирта. Третій, несшій альбомъ для записки путевыхъ и охотничьихъ впечатлѣній, соблазнился золочеными застежками и бѣжалъ, воображая, что захватилъ неоцѣнимое сокровище.

Пришлось остановиться и держать совѣтъ.

— Я полагаю, — заговорилъ князь, тщетно стараясь распустить плитку пемикана въ усовершенствованной кострюлѣ съ тройнымъ дномъ, — я полагаю, что намъ слѣдуетъ совсѣмъ прогнать носильщиковъ-негровъ... Тутъ какъ разъ невдалекѣ есть арабскій рынокъ. Всего лучше будетъ завернуть туда и купить нѣсколькихъ ишаковъ...

— Ахъ, нѣтъ... нѣтъ... ишаковъ не надо! — перебилъ его Тартаренъ, краснѣя до ушей при

воспоминаніи о бѣднягѣ Чернышѣ. Потомъ онъ спохватился и лицемѣрно прибавилъ: — Гдѣ же такимъ малявцамъ тащить всѣ наши пожитки!

Князь улыбнулся.

— На этотъ счетъ вы ошибаетесь, мой дорогой другъ. Какъ ни слабы вамъ кажутся алжирскіе ишачки, а на нихъ можно положиться... Надо только знать, что они способны выносить... Спросите-ка лучше у арабовъ. Они такъ разъясняютъ нашу колоніальную организацію: во главѣ всего стоитъ мусю губернаторъ съ толстымъ дрючкомъ, которымъ онъ лупитъ свой штабъ; штабъ срываетъ зло на солдатахъ и колотитъ солдатъ, солдатъ дуетъ кололониста, колонистъ — араба, арабъ — негра, негръ — жида, а жидъ, въ свою очередь, колотитъ ишака. Бѣднягѣ ишаку бить уже некого; ну, вотъ онъ и подставляетъ спину и таскаетъ все, что на него ни навьючатъ. Послѣ этого, кажется, ясно, что онъ потащитъ и ваши ящики.

— Все-таки, — возразилъ Тартаренъ, — я нахожу, что видъ нашего каравана на ослахъ будетъ не особенно красивъ. Мнѣ бы хотѣлось чего-нибудь болѣе характернаго, настоящаго восточнаго. Вотъ если бы, напримѣръ, добыть верблюда.

— За этимъ дѣло не станетъ, — отвѣтилъ

принцъ, и они направились въ арабскому рынку.

Торгъ былъ расположенъ въ нѣсколькихъ километрахъ отъ ихъ стоянки, на берегу Шелиффа. Тамъ пять или шесть тысячъ оборванныхъ арабовъ пеклось на солнцѣ и шумно торговалось среди кувшиновъ черныхъ маслинъ, горшковъ съ медомъ, мѣшковъ съ пряностями и сигаръ, сваленныхъ кучами; на большихъ кострахъ жарились цѣлые бараны, залитые саломъ; тутъ же босоногіе негры устроили бойни подъ открытымъ небомъ и, облитые кровью, разнимали на части козлятъ, подвѣшенныхъ къ жердямъ. Въ одномъ углу, подъ тѣнью палатки въ разноцвѣтныхъ заплатахъ, сидѣлъ писецъ-мавръ въ очкахъ и съ большою книгой. Далѣе толпа неистовствовала вокругъ рулетки, устроенной въ днѣ желѣзной хлѣбной мѣры; кабилы пустили въ ходъ ножи. Издали несутся радостные крики, веселый хохотъ, — всѣ въ восторгѣ отъ того, что жидъ съ своимъ муломъ попалъ въ Шелиффъ и тонетъ. Всюду скорпіоны, собаки, вороны и мухи, мухи безъ числа.

И, какъ на грѣхъ, верблюдовъ не было. Послѣ долгихъ поисковъ нашелся, все-таки, одинъ, котораго старались сбыть съ рукъ мзабиты. Это

былъ настоящій верблюдъ пустыни, классическій верблюдъ, весь облѣзлый, унылаго вида и до того изголодавшійся, что его горбъ совсѣмъ опалъ отъ худобы и висѣлъ жалкимъ мѣшкомъ на боку. Тартаренъ нашелъ его восхитительнымъ и потребовалъ, чтобы его тотчасъ же нагрузили. Верблюдъ покорно опустился на колѣна: ящики и чемоданы были повѣшены. Князь усѣлся на шею животнаго, а Тартаренъ, ради пущей важности, забрался на самый верхъ горба, между двумя ящиками, и оттуда гордымъ и величественнѣшсъ жестомъ привѣтствовалъ толпы сбѣжавшихся со всѣхъ сторонъ оборванцевъ. Вотъ бы когда показаться тарасконцамъ!

Верблюдъ поднялся на ноги и зашагалъ... Что за притча. Не успѣлъ верблюдъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ Тартаренъ почувствовалъ, что блѣднѣетъ; его гордая феска принимаетъ послѣдовательно одно за другимъ тѣ же положенія, которыя такъ помяли ее на пакетботѣ Зуавъ. Проклятый верблюдъ раскачивается, какъ фрегатъ.

— Князь... принцъ! — едва выговариваетъ совсѣмъ позеленѣвшій Тартаренъ, хватаясь за складки верблюжьяго горба, — Бога ради... Сойти, сойти... Я чувствую, я чувствую, что посрамлю Францію.

Чорта съ два! Верблюдъ разошелся и остановить его не было никакой возможности. За нимъ бѣжало четыре тысячи арабовъ, жестикулируя, хохоча, какъ полуумные, и сверкая на солнцѣ шестью стами тысячъ бѣлыхъ зубовъ. Великій тарасконецъ вынужденъ былъ склониться передъ неизбѣжностью своей судьбы, и онъ дѣйствительно склонился на горбъ верблюда. Склонилась гордая феска, и Франція была посрамлена.

V
Вечеръ на-сторожѣ

Какъ ни живописно было путешествіе на верблюдѣ, а наши истребители львовъ принуждены были отъ него отказаться во вниманіе къ красной фескѣ съ синею кистью. Они направились далѣе на югъ по образу пѣшаго хожденія, тарасконецъ передомъ, за нимъ верблюдъ съ багажомъ и албанецъ въ арріергардѣ. Экспедиція продолжилась около мѣсяца.

Въ поискахъ за несуществующини львами грозный Тартаренъ бродилъ изъ дуара въ дуаръ [3] по обширной долинѣ Шелиффа, по страшному и безобразно потѣшному французскому Алжиру, гдѣ ароматы древняго Востока мѣшаются съ запахомъ скверной водки и казармы, гдѣ наивныя черты патріархальнаго быта перепутываются съ нелѣпою солдатчиной. Любопытное и поучительное зрѣлище для глазъ, которые умѣютъ видѣть: первобытный и въ конецъ прогнившій народъ, который мы цивилизуемъ, прививая ему наши пороки; дикая и безконтрольная власть тузем-

[3] Примечания: 3
Дуаръ — становище кочевыхъ арабовъ.

ныхъ начальниковъ, нашихъ ставленниковъ, которые важно сморкаются въ жалуемыя имъ ленты «Почетнаго Легіона» первой степени и которые изъ-за самодурства приказываютъ бить людей палками по пятамъ; безсовѣстные суды кадіевъ, этихъ тартюфовъ Корана, мечтающихъ о наградахъ и орденахъ и продающихъ свои приговоры, подобно тому какъ Исавъ продалъ право первородства за горшокъ чечевичной похлебки.

Пьяные и развратные каиды, попавшіе въ командиры изъ лакеевъ какого-нибудь генерала Юсуфа, напиваются шампанскимъ съ босоногими прачками и заѣдаютъ шампанское жареною бараниной въ то время, какъ цѣлое племя околѣваетъ съ голода и вырываетъ у борзыхъ собакъ кости, выкидываемыя съ господскаго пира.

А кругомъ цѣлыя области заброшенныхъ полей, выжженныхъ солнцемъ, заросшихъ дикимъ кактусомъ и чахлыми кустарниками. Это житница Франціи! Житница, увы, безплодная и богатая только шакалами да клопами. Покинутыя селенія, одурѣвшія отъ голода и отчаянія племена, бѣгущія куда глаза глядятъ и устилающія свой путь трупами… Тамъ и сямъ французскіе поселки съ развалившимися домами, съ одичавшими полями, опустошенными саранчей, пожирающею

даже занавѣсы на окнахъ, съ пьяными колонистами, не выходящими изъ кабаковъ.

Вотъ что увидалъ бы Тартаренъ, если бы потрудился взглянуть вокругъ себя; но, увлеченный своею страстью къ львамъ, знаменитый тарасконецъ шелъ своею дорогой, не оглядываясь ни направо, ни налѣво, тщетно ища взоромъ воображаемыхъ чудовищъ, упорно не показывавшихся нигдѣ.

Такъ какъ складная палатка, по-прежнему, не поддавалась никакимъ ухищреніямъ и не распладывалась, а плитки пемикана, по-прежнему, не распускались ни въ холодной водѣ, ни въ кипяткѣ, то нашимъ путешественникамъ пришлось искать пріюта у туземцевъ. Благодаря кепи князя Григорія, ихъ всюду принимали съ распростертыми объятіями. Они останавливались у начальствующихъ лицъ, въ удивительныхъ дворцахъ, обширныхъ бѣлыхъ сараяхъ безъ оконъ, въ которыхъ были въ кучу свалены кальяны и коммоды краснаго дерева, смирнскіе ковры и карсельскія лампы, рѣзные ящики, наполненные турецкими секинами, и бронзовые часы стиля Луи-Филиппа. Въ честь Тартарена давались праздники и обѣды, устраивались скачки и джигитовки, разстрѣливалось множество

пороха. Потомъ, когда увеселенія были кончены, являлся добродушный ага и представляль счетъ. Таково ужь арабское гостепріимство. А львовъ все нѣтъ, какъ нѣтъ. Нашъ тарасконецъ не унывалъ, однако же; смѣло подвигаясь на югъ, онъ цѣлыми днями бродилъ по зарослямъ, концомъ штуцера похлопывалъ по карличковымъ пальмамъ и покрикивалъ: «кшишь! кшишь!» передъ каждымъ кустомъ. Затѣмъ каждый вечеръ онъ выходилъ «взять зорю» часика на два, на три. Все напрасно, — львы и носа не показывали.

Разъ вечеромъ, часовъ около шести, когда караванъ, проходилъ зарослью мастиковаго дерева, въ которомъ кое-гдѣ лѣниво вспархивали отяжелѣвшія отъ жары куропатки, Тартарену показалось, будто онъ слышитъ, — но далеко, далеко, едва уловимо, — чудный ревъ, къ которому онъ такъ усердно прислушивался въ Тарасконѣ, стоя за баракомъ звѣринца. Сперва нашъ герой думалъ, что ему это только почудилось. Но черезъ минуту, все еще очень издалека, но уже вполнѣ явственно, онъ различилъ настоящее рыканіе льва. На этотъ разъ не могло быть сомнѣнія: на страшный голосъ отозвался испуганный вой собакъ на арабскихъ кочевьяхъ и загромыхали консервы и оружіе въ ящикахъ на вздрагиваю-

щемъ горбѣ верблюда.

И такъ, сомнѣнія нѣтъ, левъ близко. Скорѣй, скорѣй на сторожу; нельзя терять ни минуты. Какъ разъ тутъ же близехонько оказался старый марабу (могила мусульманскаго святаго), съ бѣлымъ куполомъ, большими желтыми туфлями праведника въ нишѣ надъ дверью и множествомъ всякихъ ex voto, — обрывковъ бурнусовъ, нитей галуна, рыжихъ волосъ, висящихъ по стѣнамъ. Тартаренъ оставилъ тамъ своего принца и верблюда и пустился на поиски удобнаго для сторожи мѣста. Князь Григорій хотѣлъ было идти съ нимъ, но тарасконецъ не согласился: онъ хотѣлъ помѣряться съ львомъ одинъ-на-одинъ. А на всякій случай онъ попросилъ его свѣтлость быть невдалекѣ и изъ предосторожности передалъ принцу свой бумажникъ, — толстый бумажникъ, набитый цѣнными бумагами и банковыми билетами, которые левъ могъ бы, пожалуй, изорвать въ клочки. Устроивши все какъ слѣдуетъ, герой отправился на розыски подходящаго мѣста. Въ ста шагахъ отъ могилы, на берегу почти высохшей рѣчонки, подъ лучами заката трепеталъ небольшой лѣсокъ олеандровъ. Тутъ-то и расположился Тартаренъ, точь-въ-точь по писанному: онъ сталъ на одно колѣно со штуцеромъ въ рукахъ

и воткнулъ передъ собою охотничій ножъ въ песокъ. Наступила ночь. Розовые тоны перешли въ фіолетовые и быстро смѣнились темно-синими. Внизу, среди мелкихъ камушковъ, точно ручное зеркало, сверкала вода, задержавшаяся въ выбоинѣ. То былъ водопой хищныхъ звѣрей. На склонѣ противуположнаго берега чуть виднѣлась бѣлесоватая тропа, протоптанная ихъ могучими лапами среди заросли мастичника. При видѣ этой таинственной тропы невольная дрожь пробѣгала по тѣлу. Прибавьте къ этому смутные звуки африканской ночи, шелестъ вѣтвей, крадущіеся шаги бродячихъ животныхъ, глухой лай шакаловъ... а тамъ, наверху, во ста или въ двухъ стахъ метрахъ надъ головой югромныя стаи журавлей, летящихъ съ раздирающими душу криками... и вы поймете, какъ трудно человѣку сохранить полное спокойствіе.

Тартаренъ и не сохранилъ его; можно даже сказать, что совсѣмъ утратилъ. Зубы бѣдняги громко стучали; а стволъ его ружья, положенный на рукоятку охотничьяго ножа, воткнутаго въ землю, отбивалъ частую дробь не хуже испанскихъ кастаньетъ. Что ни говорите, а выдаются такіе вечера, когда человѣкъ просто не въ ударѣ; къ тому же, въ чемъ же собственно заключалось

бы истинное геройство, если бы герои никогда не испытывали страха?

Ну, и Тартаренъ испытывалъ страхъ, да еще какой страхъ! И, однако же, бодро выдерживалъ часъ, два часа; но всякое геройство имѣетъ свой конецъ. Тарасконецъ вдругъ услыхалъ шаги, близехонько отъ него мелкіе камушки посыпались на пересохшее дно ручья. На этотъ разъ ужасъ охватилъ охотника, онъ вскочилъ на ноги, выстрѣлилъ два раза наудачу и во всѣ ноги ретировался къ могилѣ мусульманскаго святаго, оставивши въ пескѣ свой охотничій ножъ, въ видѣ креста, водруженнаго на память грядущимъ поколѣніямъ о величайшей изъ паникъ, когда-либо охватывавшихъ душу истребителя чудовищъ.

— Князь, князь!... Сюда, ко мнѣ... левъ!...

Отвѣта не было.

— Князь... принцъ!... Гдѣ вы тамъ?

Принца нигдѣ не было. На бѣлой стѣнѣ мусульманской могилы выдѣлялась только неуклюжая фигура верблюда. Князь Григорій исчезъ, унося съ собою бумажникъ съ банковыми билетами. Его высочество цѣлый мѣсяцъ терпѣливо поджидалъ такого случая.

VI
Наконецъ-то!

На другой день послѣ этихъ трагическихъ событій, когда нашъ герой проснулся на разсвѣтѣ и окончательно убѣдился въ безвозвратности исчезновенія принца и бумажника, когда онъ понялъ, что предательски обокраденъ и покинутъ въ дикой, чужой странѣ съ престарѣлымъ верблюдомъ и небольшимъ количествомъ мелкой монеты въ карманѣ, тогда знаменитый тарасконецъ впервые началъ сомнѣваться. Онъ усомнился въ Албаніи, усомнился въ дружбѣ, въ славѣ, усомнился даже въ львахъ и горько заплакалъ.

Онъ сидѣлъ, печально захвативши голову, обѣими руками; штуцеръ лежалъ на его колѣнахъ, а надъ нимъ стоялъ верблюдъ и уныло чавкалъ свою жвачку. Вдругъ шелохнулась цыновка, прикрывавшая входную дверь, и передъ ошеломленнымъ Тартареномъ появилась громадная, косматая голова льва; своды стараго зданія дрогнули отъ страшнаго рева, подпрыгнули даже желтыя туфли мусульманскаго праведника въ

нишѣ надъ дверью.

Не. дрогнулъ только Тартаренъ.

— А, наконецъ-то! — вскричалъ онъ, прикладывая ружье къ плечу. Пафъ! Пафъ!... Трахъ! Трахъ! — готово.

Двѣ разрывныхъ пули угодили прямо въ голову льва. Съ минуту подъ раскаленнымъ африканскимъ небомъ летѣлъ во всѣ стороны цѣлый фейерверкъ львиныхъ мозговъ, осколковъ черепа и окровавленныхъ лохмотьевъ рыжей шерсти. Потомъ все упало на землю и Тартаренъ увидалъ двухъ негровъ, несущихся на него съ поднятыми дубинами. Онъ узналъ негровъ, поколотившихъ его въ Миліонахъ.

Сущій скандалъ! Разрывныя тарасконскія пули уложили прирученнаго льва, несчастнаго слѣпца, ходившаго по сбору на монастырь Магомета-бенъ-Ауда.

На этотъ разъ — слава Аллаху и пророку его! — тартаренъ отдѣлался очень счастливо. Чернокожіе, освирѣпѣвшіе фанатики, навѣрное, разнесли бы его въ клочки, если бы христіанскій Богъ не сжалился надъ героемъ Тараскона и не послалъ бы ему ангела-избавителя въ образѣ полеваго сторожа орлеансвилльской общины, прибѣжавшаго на выстрѣлы съ саблей подъ

мышкой. Видъ кепи сразу охладилъ неистовый гнѣвъ негровъ. Спокойный и величественный стражъ общественной безопасности составилъ протоколъ о событіи, приказалъ взвалить на верблюда бренные останки льва и, вмѣстѣ съ потерпѣвшими и обвиняемымъ, препроводилъ по начальству въ Орлеансвилль.

Началась длинная и страшная процедура.

Послѣ только что пройденнаго Алжира кочевыхъ туземцевъ, Тартаренъ изъ Тараскона познакомился съ не менѣе потѣшнымъ, но и не менѣе грознымъ Алжиромъ городовъ, судебныхъ мѣстъ и адвокатскихъ кляузъ. Тутъ онъ узналъ всѣ судебные выверты, которые продѣлываются за стаканами пунша въ кофейняхъ, узналъ темную адвокатсжую практику, узналъ приставовъ и дѣлопроизводителей, всю голодную саранчу, гнѣздящуюся за кипами гербовой бумаги, объѣдающую колониста до подметокъ его сапоговъ, пожирающую его живьемъ.

Прежде всего оказалось необходимымъ рѣшить вопросъ о томъ, на какой территоріи убитъ левъ, — на территоріи гражданскаго или военнаго вѣдомства. Въ первомъ случаѣ дѣло подлежало разбирательству коммерчесжаго суда, во второмъ — Тартарепъ подвергался суду военному.

При одномъ имени военнаго суда впечатлительному тарасконцу представлялось, что его сейчасъ же разстрѣляютъ на гласисѣ укрѣпленій, или, по крайней мѣрѣ, засадятъ на вѣки вѣковъ въ арабскій сило [4]. Всего ужаснѣе было то обстоятельство, что въ Алжирѣ до крайности сбивчиво разграниченіе этихъ двухъ территорій. Наконецъ, послѣ цѣлаго мѣсяца хлопотъ, интригъ, хожденій по арабскимъ бюро, было рѣшено, что хотя, съ одной стороны, левъ и убитъ на территоріи военнаго вѣдомства, за то, съ другой, Тартаренъ, стрѣляя въ него, находился на территоріи, состоящей въ гражданскомъ управленіи. А потому дѣло было разобрано гражданскимъ судомъ, и нашъ герой присужденъ въ уплатѣ убытковъ въ размѣрѣ двухъ тысячъ пятисотъ франковъ, не считая судебныхъ издержекъ.

Какъ раздѣлаться со всѣми этими платежами? Нѣсколько піастровъ, уцѣлѣвшихъ отъ захвата албанскимъ принцемъ, даннымъ-давно ушли на гербовую бумагу и на угощенія дѣльцовъ. Несчастный истребитель львовъ оказался вынужденнвмъ распродать въ розницу всѣ свои

[4] Примечания: 4

Silo — вырытая въ землѣ яма, родъ громаднаго кувшнна, въ который арабы ссыпаютъ хлѣбъ и, какъ говорятъ, сажаютъ иногда преступниковъ.

пожитки, начиная съ ружей, кинжаловъ и револьверовъ. Одинъ торговецъ бакалейными товарами купилъ пищевые консервы; аптекарь пріобрѣлъ остатки пластырей. Даже охотничьи сапоги отправились слѣдомъ за усовершенствованною складною палаткой, попавшею въ лавку старьевщика и занявшею мѣсто въ ряду кохинхинскихъ рѣдкостей. За всѣми уплатами у Тартарена остались только шкура льва и верблюдъ. Шкуру онъ тщательно упаковалъ и отправилъ въ Тарасконъ, адресовавпій ее на имя храбраго капитана Бравиды (читатель скоро узнаетъ, что сталось съ этимъ баснословнымъ трофеемъ). Что же касается верблюда, то нашъ знаменитый охотникъ разсчитывалъ воспользоваться имъ, чтобы добраться до города Алжира, только, конечно, не верхомъ, а продавши его и на эти деньги взявши мѣсто въ дилижансѣ. Онъ не безъ основанія отдавалъ предпочтеніе именно такому способу путешествовать на верблюдахъ. Къ несчастію, верблюдъ не шелъ съ рукъ, никто не давалъ за него ни сантима.

Между тѣмъ, Тартаренъ во что бы ни стало хотѣлъ какъ можно скорѣе добраться восвояси. Его неудержимо влекло увидать опять голубой корсажъ Байи, мирный домикъ съ фонтаномъ, от-

дохнуть подъ рѣзнымъ навѣсомъ веранды и тамъ дождаться присылки денегъ изъ Франціи, и нашъ герой не сталъ откладывать своего возвращенія; удрученный ударами судьбы, но бодрый духомъ, онъ рѣшилъ отправиться пѣшкомъ. Верблюдъ не покинулъ его при столь плачевныхъ обстоятельствахъ. Странное животное съ необычайною нѣжностью привязалось въ своему хозяину и шагъ за шагомъ, не отставая отъ него ни на аршинъ, послѣдовало за нимъ изъ Орлеансвилля.

Въ первую минуту такая преданность растрогала Тартарена; въ тому же, неприхотливый спутникъ ничего ему не стоилъ и питался чѣмъ попало. Но по прошествіи нѣсколькихъ дней уныло шагающій по пятамъ компаньонъ сталъ сильно надоѣдауь странствующему тарасконцу, видѣвшему въ немъ постоянное напоминаніе о всѣхъ своихъ невзгодахъ. Мало-по-малу стали противны до отвращенія и мрачно-задумчивая морда, и висящій сборками горбъ, и эта качающаяся походка. Короче сказать, герой возненавидѣлъ своего верблюда и только о томъ и думалъ, какъ бы отъ него избавиться; но это было совсѣмъ не такъ просто, какъ могло казаться. Тартаренъ пробовалъ скрыться отъ него потихоньку — верблюдъ его разыскивалъ; пробовалъ

убѣжать отъ него — верблюдъ такъ шагалъ, что убѣжать не было возможности: Онъ кричалъ на него: «Пошелъ прочь!...» и бросалъ въ него камнями. Верблюдъ останавливался, грустно смотрѣлъ на него, потомъ черезъ минуту шагалъ опять и догонялъ его. Тартарену ничего больше не оставалось, какъ покориться своей участи.

Однако же, когда на девятый день своего пѣшаго хожденія измученный тарасконецъ, весь покрытый пылью, издали увидалъ среди зелени бѣлые балконы Алжира, когда онъ подошелъ къ городскимъ воротамъ и очутился на шумной дорогѣ, ведущей въ Мустафу, среди зуавовъ, носильщиковъ, лодочниковъ, торговокъ, прачекъ, среди разноголосой и разноязычной толпы, глазѣющей на него и его верблюда, онъ не выдержалъ:

— Нѣтъ! Это, наконецъ, невозможно! — проговорилъ онъ. — Не могу же я войти въ Алжиръ въ сопровожденіи такой гадины!

И, воспользовавшись тѣснотой. Тартаренъ бросился въ сторону и залегъ въ канавѣ. Черезъ минуту онъ увидалъ, какъ надъ его головой пронесся по дорогѣ старый верблюдъ съ тревожно вытянутою впередъ шеей.

Тутъ только нашъ герой вздохнулъ свободно,

какъ человѣкъ, съ плечъ котораго свалилась большая тяжесть, и вошелъ въ городъ окольною дорогой мимо своего загороднаго садика.

VII
Катастрофа за катастрофой

У своего мавританскаго домика Тартаренъ остановился въ совершенномъ недоумѣніи. Смеркалось; на улицѣ не видно было ни души. Сквозь полуотворенную дверь, которую негритянка забыла запереть, слышались смѣхъ, звонъ стакановъ, хлопанье пробокъ шампанскаго и, покрывая весь этотъ пріятный шумъ, веселый и звонкій женскій голосъ пѣлъ:

Aimes-tu, Marco la Belle,

La danse aux salons en fleurs…

— Что за дьявольщина! — крикнулъ тарасконецъ, блѣднѣя, и кинулся во дворъ.

Несчастный Тартаренъ! Какіе виды онъ тутъ увидалъ! Подъ аркадами его тихаго пріюта, среди бутылокъ, лакомствъ, разбросанныхъ подушекъ, трубокъ, гитаръ и тамбуриновъ, стояла Байя, безъ голубаго корсажа, а въ одной прозрачной газовой сорочкѣ и въ широкихъ розовыхъ шароварахъ, и пѣла Marco la Belle, лихо надѣвши на беврень фуражку флотскаго офицера. У ея ногъ полулежалъ на цыновкѣ и громко хохоталъ надъ ея пѣсней

пресыщенный любовью и вареньями разбойникъ Барбасу, капитанъ пакетбота Зуавъ…

Появленіе Тартарена, покрытаго пылью, исхудалаго, загорѣлаго, съ страшнымъ взоромъ и въ дыбомъ торчащей фескѣ, сразу оборвало это милое турецко-марсельское пиршество. Байя взвизгнула, точно испуганная собачонка, и убѣжала въ домъ. А Барбасу, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ хохотать еще громче.

— Эге!… Господинъ Тартаренъ! Ну, что-то вы теперь скажете? Какъ видите, она говоритъ по-французски!

— Капитанъ! — крикнулъ Тартаренъ, не помня себя отъ бѣшенства.

— Digoli que vengué, moun bon! — крикнула мавританка, наклоняясь черезъ перила балкона.

Нашъ злосчастный герой былъ окончательно уничтоженъ и безсильно упалъ на тамбуринъ. Его мавританка говорила даже по-марсельски!

— Предупреждалъ я васъ не очень-то довѣрять марсельскимъ дамамъ! — наставительно сказалъ Барбасу. — И вотъ насчетъ вашего албанскаго принца тоже…

Тартаренъ поднялъ голову.

— А вы знаете, гдѣ принцъ?

— О, недалеко. Теперь онъ погоститъ пять лѣтъ

въ тюрьмѣ Мустафы. Молодецъ попался съ поличнымъ... Ему, впрочемъ, не въ первый разъ приходится отсиживать. Его высочество уже высидѣлъ гдѣ-то три года. Да, позвольте, я даже припоминаю гдѣ: у васъ въ Тарасконѣ.

— Въ Тарасконѣ!...- вскричалъ Тартаренъ, которому вдругъ все стало ясно. — Такъ вотъ почему онъ зналъ только одну часть города...

— Само собою разумѣется... Ту часть, что видна изъ тюремныхъ оконъ... Ахъ, милѣйшій мой господинъ Тартаренъ, надо держать ухо очень востро въ этомъ проклятомъ краю, не то здѣсь живо обдѣлаютъ на всѣ лады... Вотъ хоть бы взять вашу исторію съ муэзиномъ.

— Какую исторію? Съ какимъ еще муэзиномъ?

— Ге! А вы и не подозрѣваете!... Вонъ съ тѣмъ муэзиномъ, что волочился за Байей... Въ Акбарѣ [5] разсказана эта исторія сполна, и весь Алжиръ еще о ею пору надъ ней потѣшается... На самомъ дѣлѣ трудно придумать что-нибудь забавнѣе этого муэзина, который, распѣвая молитвы на своемъ минаретѣ, у васъ передъ носомъ объяснялся въ любви съ вашею сожительннцей и назначалъ ей свиданія, выкрикивая хвалы Аллаху...

---

[5] Примечания: 5
Akbar — мѣстная газета.

— Да они здѣсь всѣ, поголовно, мошенники и негодяи! — завопилъ несчастный тарасконецъ.

— Таковъ уже, знаете, всегда новый край, — философски замѣтилъ Барбасу. — Какъ бы то ни было, однако, послушайтесь моего совѣта и возвращайтесь-ка поскорѣе въ Тарасконъ.

— Легко вамъ говорить: возвращайтесь... А съ чѣмъ бы это я возвратился?... Деньги гдѣ?... Вы, стало быть, не знаете, какъ меня ощипали тамъ въ пустынѣ?

— Э, за этимъ дѣло не станетъ! — разсмѣялся капитанъ. — Зуавъ отходитъ завтра, и, если хотите, я предоставлю васъ на родину... Согласны, землякъ?... Ну, и чудесно. Теперь вамъ остается одно. Тутъ есть еще нѣсколько бутылокъ шампанскаго и кое-какая закуска... садитесь, наплюйте на всѣ досады и выпьемъ...

Послѣ минутной нерѣшимости, ради поддержанія собственнаго достоинства, тарасконецъ послѣдовалъ благому совѣту: сѣлъ, чокнулся и выпилъ. На звонъ стакановъ сошла сверху Байя, допѣла конецъ Marco la Belle, и кутежъ протянулся далеко за полночь.

Около трехъ часовъ ночи, съ облегченнымъ сердцемъ и слегка заплетающимися ногами, добрякъ Тартаренъ провожалъ своего друга ка-

питана. У дверей мечети онъ вспомнилъ про муэзина, весело разсмѣялся надъ его продѣлками и тутъ же придумалъ чудесный планъ мести. Дверь мечети была отдерта. Тартаренъ вошелъ въ нее, поднялся на лѣстницу, поднялся на другую лѣстницу и добрался до маленькой турецкой молельни, освѣщенной прорѣзнымъ желѣзнымъ фонаремъ, подвѣшеннымъ къ потолку.

Тутъ на диванѣ сидѣлъ муэзинъ въ своей большущей чалмѣ, въ бѣломъ балахонѣ, съ трубкой въ зубахъ, и попивалъ холодный абсентъ изъ огромнаго стакана, въ ожиданіи часа, когда ему слѣдуетъ сзывать правовѣрныхъ на молитву. При видѣ Тартарена онъ со страху выронилъ трубку.

— Сиди смирно, — сказалъ тарасконецъ. — И живо давай сюда чалму и балахонъ!

Муэзинъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, отдалъ чалму, бѣлую рясу, все, что отъ него требовалось. Тартаренъ облекся во все это и важно направился на площадку минарета.

Вдали сверкало море. Лунный свѣтъ серебрилъ бѣлыя крыши домовъ. Морской вѣтерокъ доносилъ откуда-то звужи запоздавшихъ гитаръ. Тарасконскій муэзинъ съ минуту подумалъ, потомъ поднялъ руки и завопилъ неистовшсъ голосомъ:

— Ли Алла иль Алла… А Магометъ старый плутъ… Востокъ, Коранъ, кадіи и башъ-аги, львы и мавританки не стоютъ ослинаго уха!… Турки нигдѣ нѣтъ… остались одни проходимцы… Слава Тараскону!…

И въ то время, какъ африканскій вѣтеръ разносилъ надъ городомъ, моремъ, равниной и горами потѣшныя ругательства, выкрикиваемыя знаменитымъ Тартареномъ на невообразимой смѣси языковъ арабскаго и провансальскаго, муэзины съ другихъ минаретовъ подхватили призывъ къ утренней молитвѣ, и правовѣрные верхняго города благоговѣйно присѣли на пятки и набожно стали колотить себя въ грудь.

VIII
Тарасконъ! Тарасконъ!

Полдень. Зуавъ развелъ пары; онъ готовъ въ отходу. На балконѣ кофейной Валентена офицеры навели на нароходъ подзорную трубу и по чинамъ, начиная съ полковника, смотрятъ на счастливцевъ, отплывающихъ во Францію. Это люблмое развлеченіе штабныхъ. Набережная и рейдъ залиты солнцемъ. Пассажиры торопливо собираются въ путь. Носильщики и лодочники таскаютъ багажъ.

У Тартарена изъ Тараскона нѣтъ багажа. Нашъ герой идетъ по Морской улицѣ, черезъ рынокъ, заваленный бананами и арбузами; съ нимъ идетъ и его другъ Барбасу. Несчастный тарасконецъ оставилъ на мавританскомъ берегу свои ящики съ оружіемъ и свои иллюзіи и теперь собирается восвояси съ пустыми руками. Только что онъ успѣлъ войти въ шлюпву капитана, какъ увидалъ, что съ горы во всѣ ноги мчится огромное запыхавшееся животное и направляется прямо къ нему. Это верблюдъ, вѣрный верблюдъ, цѣлыя сутки разыскивавшій по городу своего хозяина.

Увидавши его, Тартаренъ измѣнился въ лицѣ и притворился, что не узнаетъ его; но верблюду и дѣла нѣтъ до этого. Онъ бѣгаетъ по набережной, зоветъ своего друга и смотритъ вслѣдъ ему нѣжнымъ взглядомъ, точно говордтъ: «Возьми меня, возьми съ собой и увези далеко, далеко отъ этой опереточной Аравіи, отъ смѣшнаго Востока, въ которомъ свистятъ локомотивы и пылятъ дилижансы... гдѣ мнѣ, заштатному дромадеру, дѣлать уже нечего... Ты — послѣдній турка, я — послѣдній верблюдъ. Не покидай же меня, о, мой Тартаренъ!»

— Это вашъ верблюдъ? — спросилъ капитанъ.

— Знать его не знаю! — отвѣтилъ Тартаренъ.

Сердце у него замерло отъ одной мысли явиться въ Тарасконъ съ такимъ смѣшнымъ спутникомъ и, безстыдно отрекшись отъ товарища своихъ злоключеній, онъ ногой оттолкнулъ лодку отъ алжирскаго берега.

Верблюдъ понюхалъ воду, вытянулъ шею, потоптался немного на мѣстѣ и со всѣхъ ногъ бросился въ море. Слѣдомъ за шлюпкой онъ направился къ пароходу изъ одно время съ ней подвалилъ къ его борту.

— Мнѣ жаль, наконецъ, несчастнаго дромадера! — сказалъ капитанъ Барбасу. — Я возьму его

на бортъ. А въ Марсели подарю зоологическому саду.

Верблюда втащили кое-какъ на палубу, и Зуавъ пустился въ путь.

Въ теченіе двухъ дней, что длился переѣздъ, Тартаренъ просидѣлъ одинъ одинешенекъ въ своей каютѣ, не отъ качки и не отъ того, чтобы страдала его феска, — нѣтъ, море было спокойно, — а потому, что проклятый верблюдъ, какъ только его хозяинъ показывался на палубѣ, сейчасъ же подлеталъ къ нему съ своими верблюжьими нѣжностями. Никогда еще и никого верблюдъ не ставилъ въ такое дурацки-смѣшное положеніе!

Часъ за часомъ, выглядывая изъ полупортика каюты, Тартаренъ видѣлъ, какъ блѣднѣетъ алжирское небо. Наконецъ, раннимъ утромъ, сквозь серебристый туманъ онъ съ неописуемымъ восторгомъ услыхалъ звонъ марсельскихъ колоколовъ. Прибыли. Зуавъ отдалъ якорь.

Багажа, какъ извѣстно, у нашего героя не было; не говоря никому ни слова, онъ тихомолкомъ сошелъ на берегъ, торопливо прошелъ городъ, все боясь, какъ бы его не догналъ верблюдъ, и вздохнулъ свободно лишь когда усѣлся въ вагонъ третьяго класса и на всѣхъ парахъ понесся къ

Тараскону. Обманчивое спокойствіе! Не успѣлъ поѣздъ отойти двухъ лье отъ Марсели, какъ всѣ головы высунулись въ окна; послышались крики, выраженія удивленія. Въ свою очередь, выглянулъ въ окно и Тартаренъ... и увидалъ... увидалъ верблюда, своего вѣрнаго, неизмѣннаго верблюда, вихремъ мчащагося по шпаламъ, слѣдомъ за поѣздомъ, не отставая отъ него ни на сажень. Тартаренъ въ отчаяніи опромнулся на скамью и закрылъ глаза.

Послѣ столь плачевно кончившейся экспедиціи онъ разсчитывалъ вернуться домой тихохонько, незамѣтно. Присутствіе этого громаднаго четвероногаго дѣлало его планъ неисполнимымъ. Что же это такое будетъ? Господи Боже!... Ни денегъ, ни львовъ... А тутъ еще верблюдъ!...

«Тарасконъ!... Тарасконъ!...»

Надо выгружаться.

О, удивленіе! Едва только феска героя показалась въ двери вагона, какъ оглушительные крики: «Да здравствуетъ Тартаренъ! Vive Tartarin!» — потрясли своды станціонныхъ зданій.

— Vive Tartarin! Да здравствуетъ истребитель львовъ!

Крики смѣшались съ громомъ музыки, съ пѣніемъ хора воспитанниковъ учебныхъ заве-

деній. Тартаренъ чуть не упалъ въ обморокъ: ему представилось, что все это мистификація. Ничуть не бывало! Весь Тарасконъ былъ налицо, и неподдѣльный восторгъ былъ на всѣхъ лицахъ. Вотъ храбрый командиръ гарнизонной швальни Бравида, вотъ оружейникъ Костекальдъ, предсѣдатель суда, аптекарь и вся благородная корпорація охотниковъ по фуражкамъ. Всѣ наперерывъ тѣснятся вокругъ своего признаннаго главы, его подхватываютъ на руки и, какъ тріумфатора, несутъ съ лѣстницы.

Поразительное дѣйствіе миража! Весь шумъ надѣлала шкура слѣпаго льва, присланная капитану Бравидѣ. Ея жалкіе лохмотья, выставленные въ клубѣ, настроили воображеніе тарасконцевъ, а за ними и всѣхъ южанъ Франціи. О нихъ заговорили газеты; складывались цѣлыя драмы. Тартаренъ убилъ не одного льва, а десять, двадцать львовъ... стада, табуны львовъ! Сходя съ парахода въ Марсели, Тартаренъ и не подозрѣвалъ, что его уже опередила громкая слава, что о его прибытіи сограждане уже извѣщены телеграммой.

Къ довершенію восторга всего населенія, слѣдомъ за героемъ появилось необычайное животное, покрытое пылью, обливающееся потомъ,

и, спотыкаясь, сошло съ лѣстницы станціи. Въ первую минуту Тарасконъ чуть не принялъ его за миѳическаго Тараска. Тартаренъ успокоилъ сограждан̀ъ.

— Это мой верблюдъ, — объяснилъ онъ.

И подъ вліяніемъ тарасконскаго солнца, этого чуднаго солнца, невольно заставляющаго разыгрываться фантазію, онъ прибавилъ, любовно похлопывая горбъ дромадера:

— Это благородное животное!... На его глазахъ я убилъ всѣхъ львовъ.

Затѣмъ онъ дружески взялъ подъ руку задыхающагося отъ восторга командира швальни и, въ сопровожденіи своего верблюда, окруженный охотниками по фуражкамъ, при громкихъ кликахъ всего населенія, мирно направился съ домику съ боабабомъ и тутъ же, не откладывая въ долгій ящикъ, началъ повѣствованіе о своихъ охотничьихъ подвигахъ:

— Представьте себѢ,- говорилъ онъ, — разъ вечеромъ, среди пустынь Сахары...